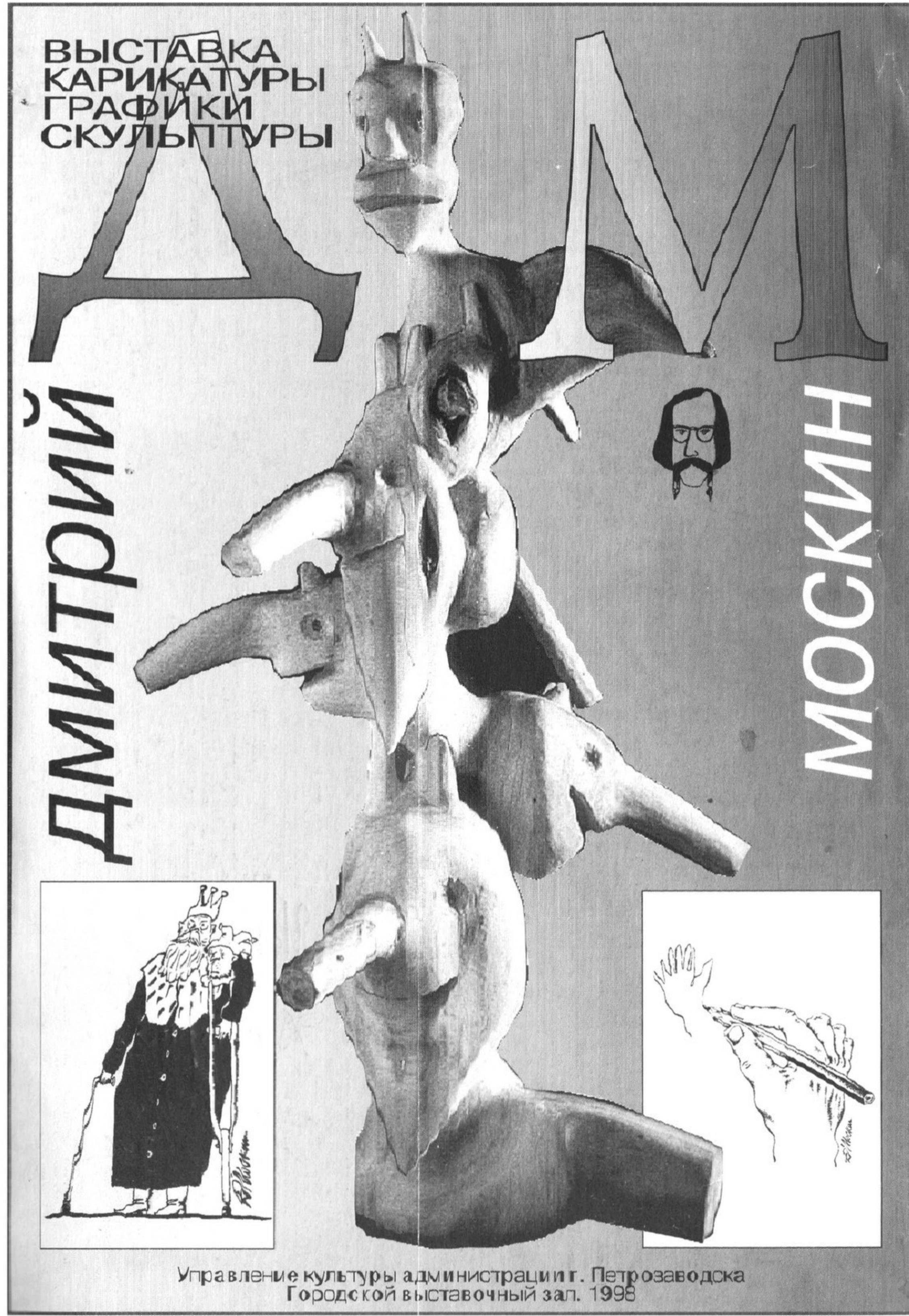

Отпечатано в типографии «Айни»

Управление культуры администрации г. Петрозаводска
Городской выставочный зал. 1998

НЕИЗДАННЫЕ КНИГИ
Серия «Он и Она»
включает 105 рисунков

Количество выставленных работ —

40

НЕИЗДАННЫЕ КНИГИ
Серия «Избранное»
включает 150 рисунков

Количество выставленных работ —

50

НЕИЗДАННЫЕ КНИГИ
Серия «Иллюстрированный афоризмы»
включает 150 рисунков

Количество выставленных работ —

47

СЛАВЯНСКАЯ ДЕМОНОЛОГИЯ
включает 32 рисунка

Количество выставленных работ —

30

СЛАВЯНСКАЯ ДЕМОНОЛОГИЯ
(в скульптуре)
включает 100 фигур

Количество выставленных работ —

60

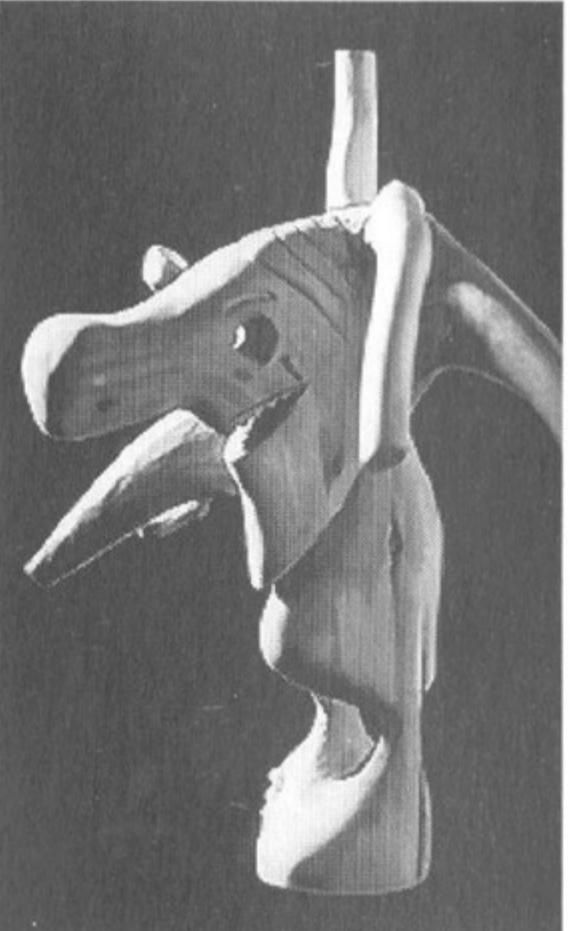
КАРЕЛЬСКИЕ НАРОДНЫЕ ЗАГАДКИ И ПОГОВОРКИ
включает 32 рисунка

Количество выставленных работ —

20

НАРОДНЫЕ ИГРУЩКИ • ПРОЕКТ «МИР КАРИКАТУРЫ»

Дизайн — Д. Москин
Автор статьи — писатель, доктор философских наук — Ю. Линник

Колдун

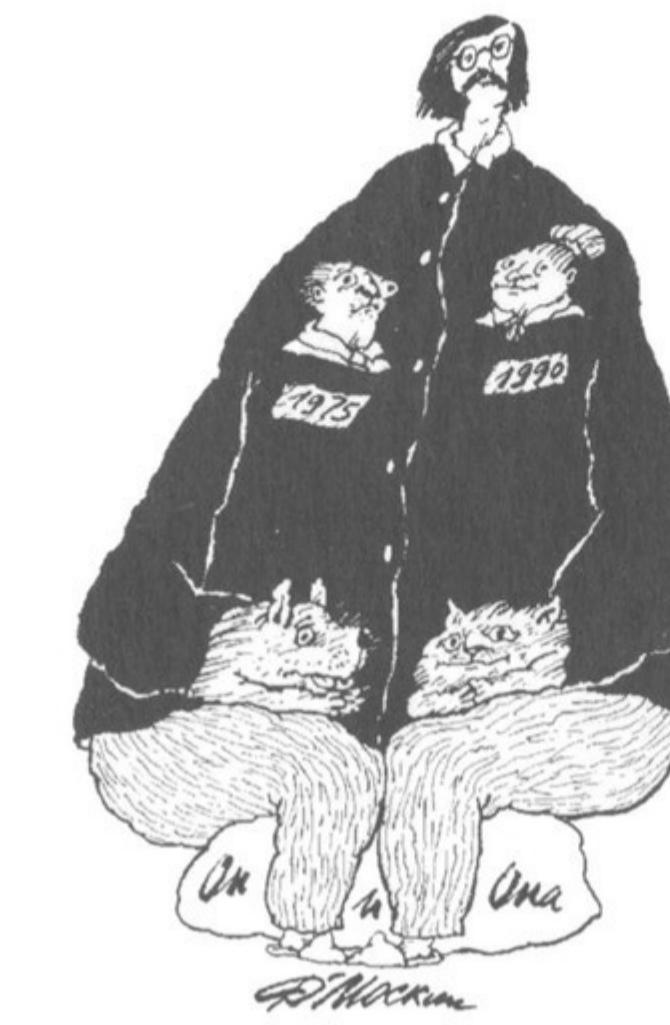
ИЗДАТЕЛЬСКИЙ
ДОМ
«ПЕТРОПРЕСС»

АПРЕЛЬ 1998

ПЕТРОЗАВОДСК

НЕИЗДАННЫЕ КНИГИ

«ОН И ОНА»

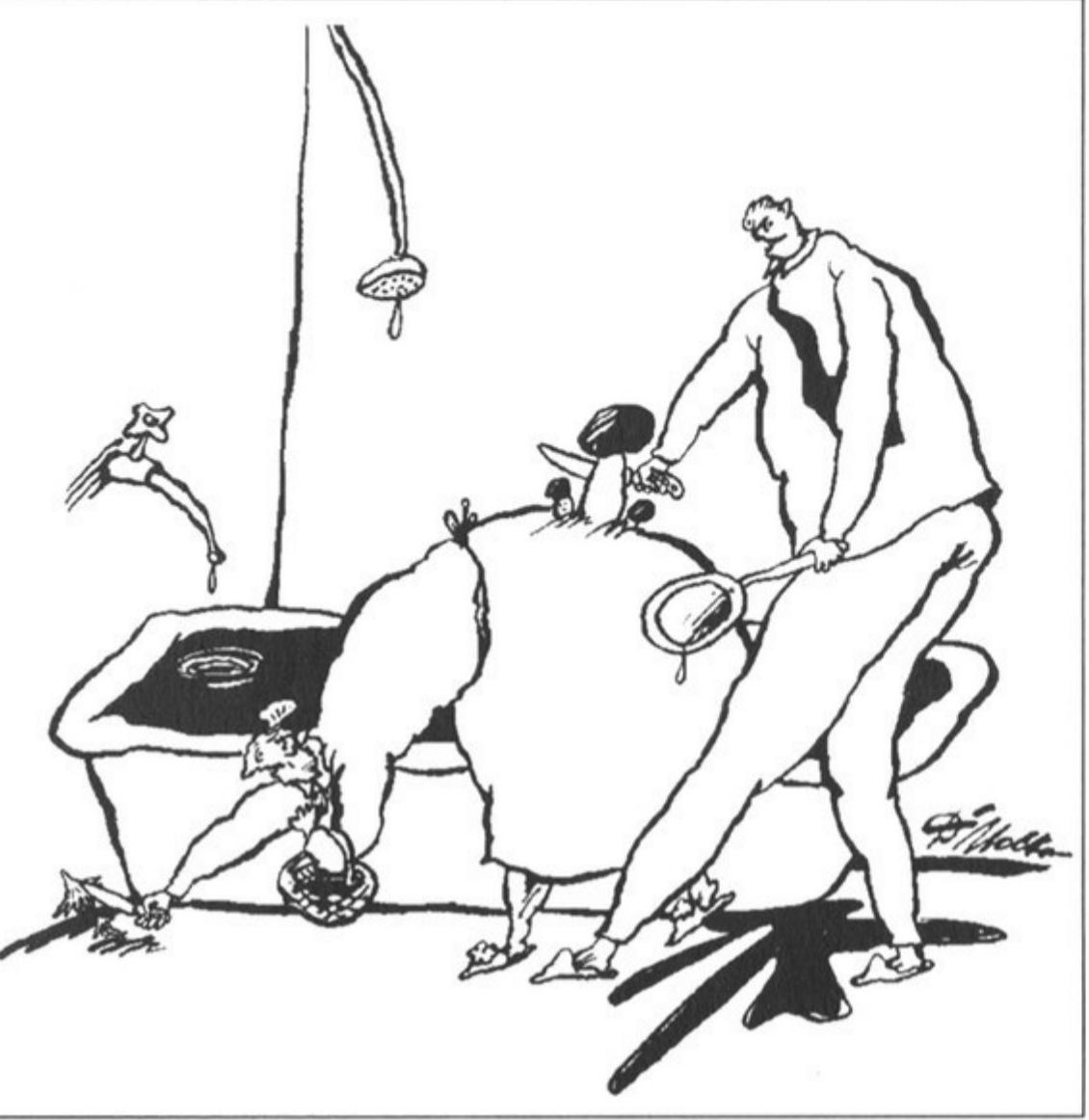
Серия создавалась 1970-80-е годы. Отдельные рисунки выставлялись на российских и международных выставках, в том числе в Габрово.

АНДЕГРАУНД ДЫБИТСЯ

Дима Москин — дитя андеграунда. Петербургского андеграунда: он вышел из той среды, в которой формировались М. Шемякин и Б. Гребенщиков, В. Богорад и С. Курехин. Это очень важно для понимания генезиса его юмора. Лежит на нем печать петербургской утонченности и элитарности. Будучи городом-парадоксом, Петербург воспроизводит свою фантасмагоричность в тех, кто там берется за кисть и перо. У петербургского смеха свои особые обертоны: резко гротескные, удручающе безнадежные — и вместе с тем трагично-человечные в своем глухом, затаенном, вроде бы совсем неуместном, но вместе с тем таком доподлинном и глубоком лиризме. Дима тоже вышел из колючей гоголевской шинели. Правда, вместе со своими талантливыми друзьями он перекроил ее на ультрасовременный фасон — однако суть осталась та же: ощущение абсолютной дискомфортности несвободы... и неистребимое стремление остаться внутри нее самим собой, отстоять автономию своей личности.

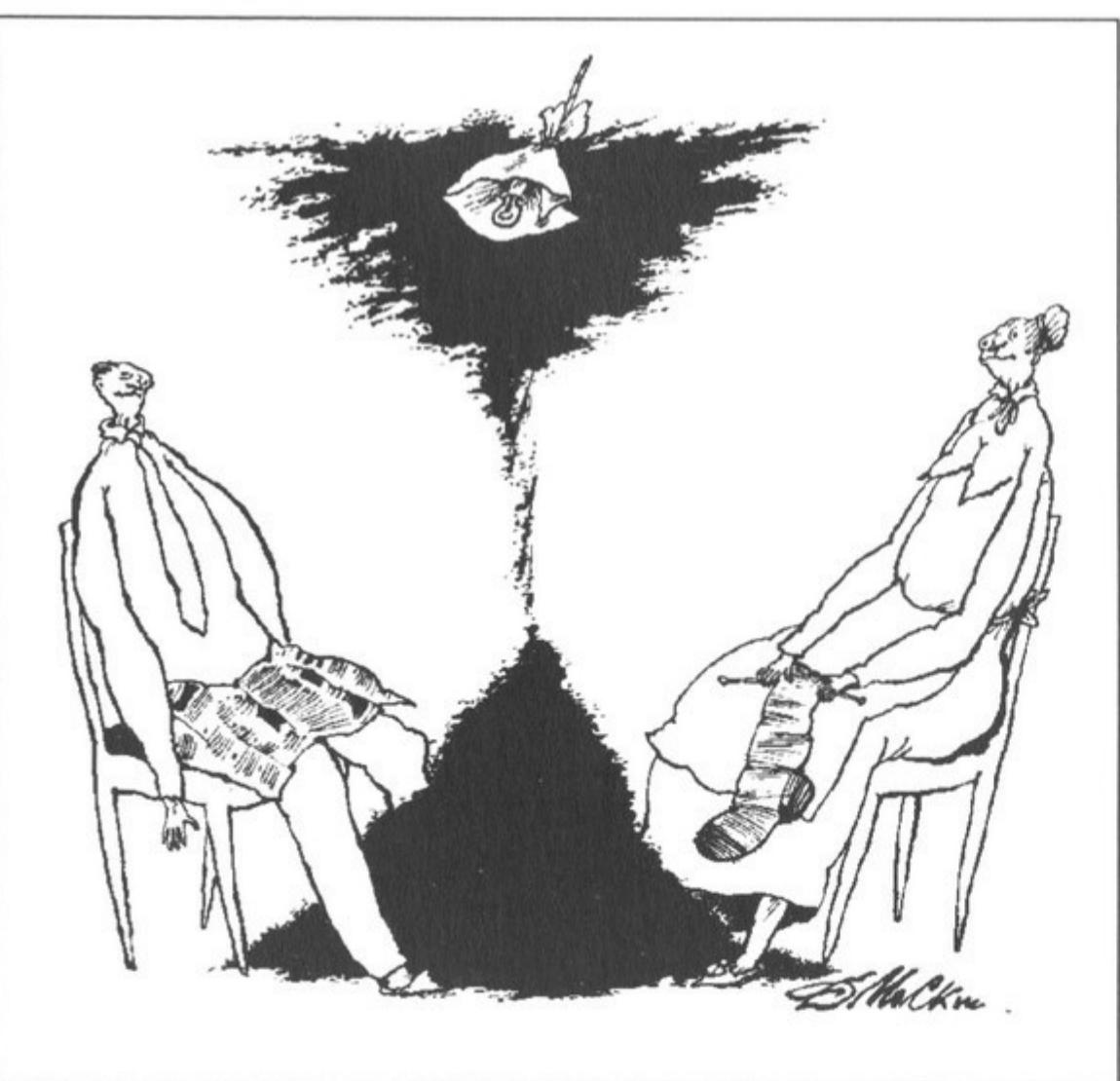
В приснопамятные годы застоя Дима привозил из Петербурга в

Петрозаводск необычный самиздат. Это были «отэренные» альбомы карикатур. Не сомневаюсь: раскрыв их, историк будущего здесь найдет точнейший срез времени — и не поверхностный, а глубинный срез. Это очень важный момент. Конечно же, карикатура может быть политически заостренной — и маразматики из ленинского Политбюро давали тут сколько угодно сюжетов. Но петербургские мастера не встали на этот путь. И не потому, что их остановила острастка или осторожность — вовсе нет, просто они чувствовали свое бесконечное превосходство над бездарной властью, а и художническая гордость помешала им отразить ее прямо и непосредственно.

Ребята смотрели в корень. Их волновали не персоналии, давно канувшие в небытие, а трагедия времени в целом — его пустота, его конфликт с вечностью, его очевидная провальность, затянувшая в свой бездонный омут миллионы судеб. Ребята работали серьезно. Очень серьезно! Звонко они смеялись в своем подполье. Но этот смех запечател не пену времени, а его

новила острастка или осторожность — вовсе нет, просто они чувствовали свое бесконечное превосходство над бездарной властью, а и художническая гордость помешала им отразить ее прямо и непосредственно. Ребята смотрели в корень. Их волновали не персоналии, давно канувшие в небытие, а трагедия времени в целом — его пустота, его конфликт с вечностью, его очевидная провальность, затянувшая в свой бездонный омут миллионы судеб. Ребята работали серьезно. Очень серьезно! Звонко они смеялись в своем подполье. Но этот смех запечател не пену времени, а его

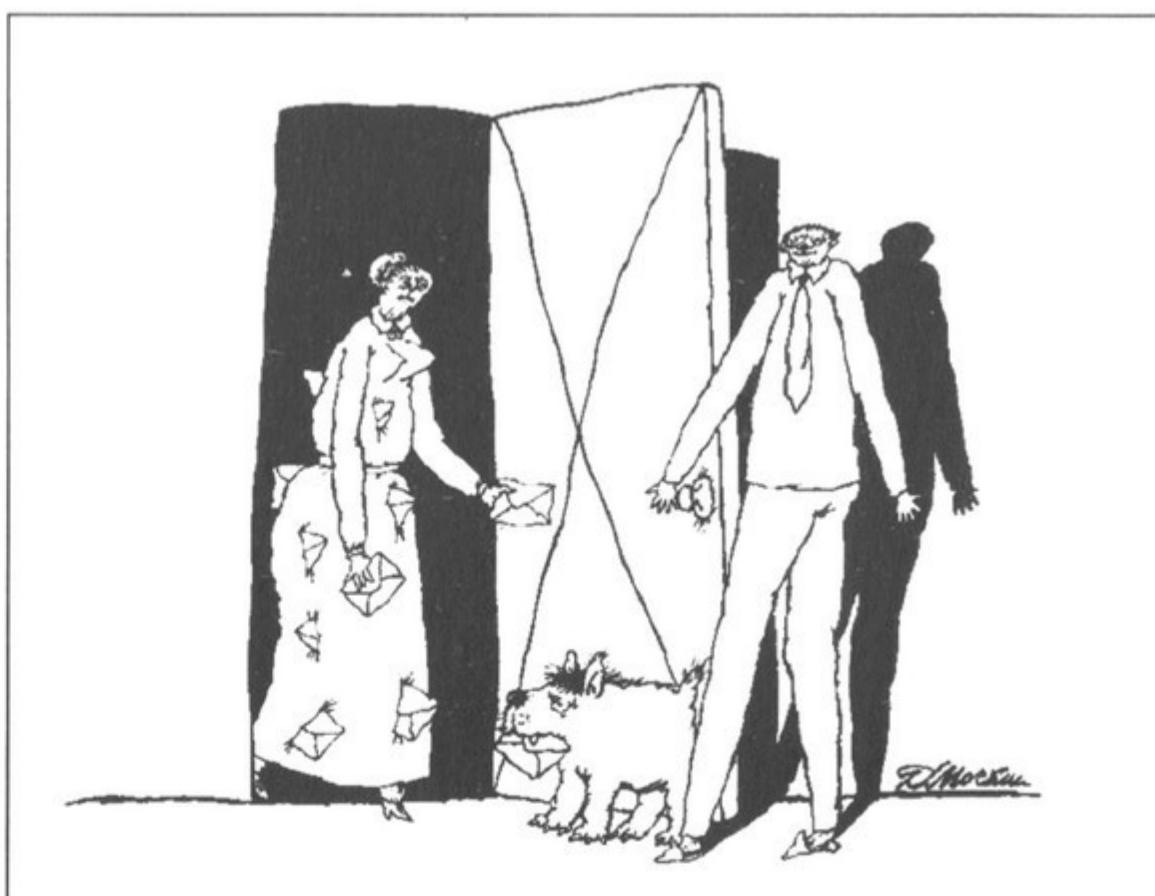
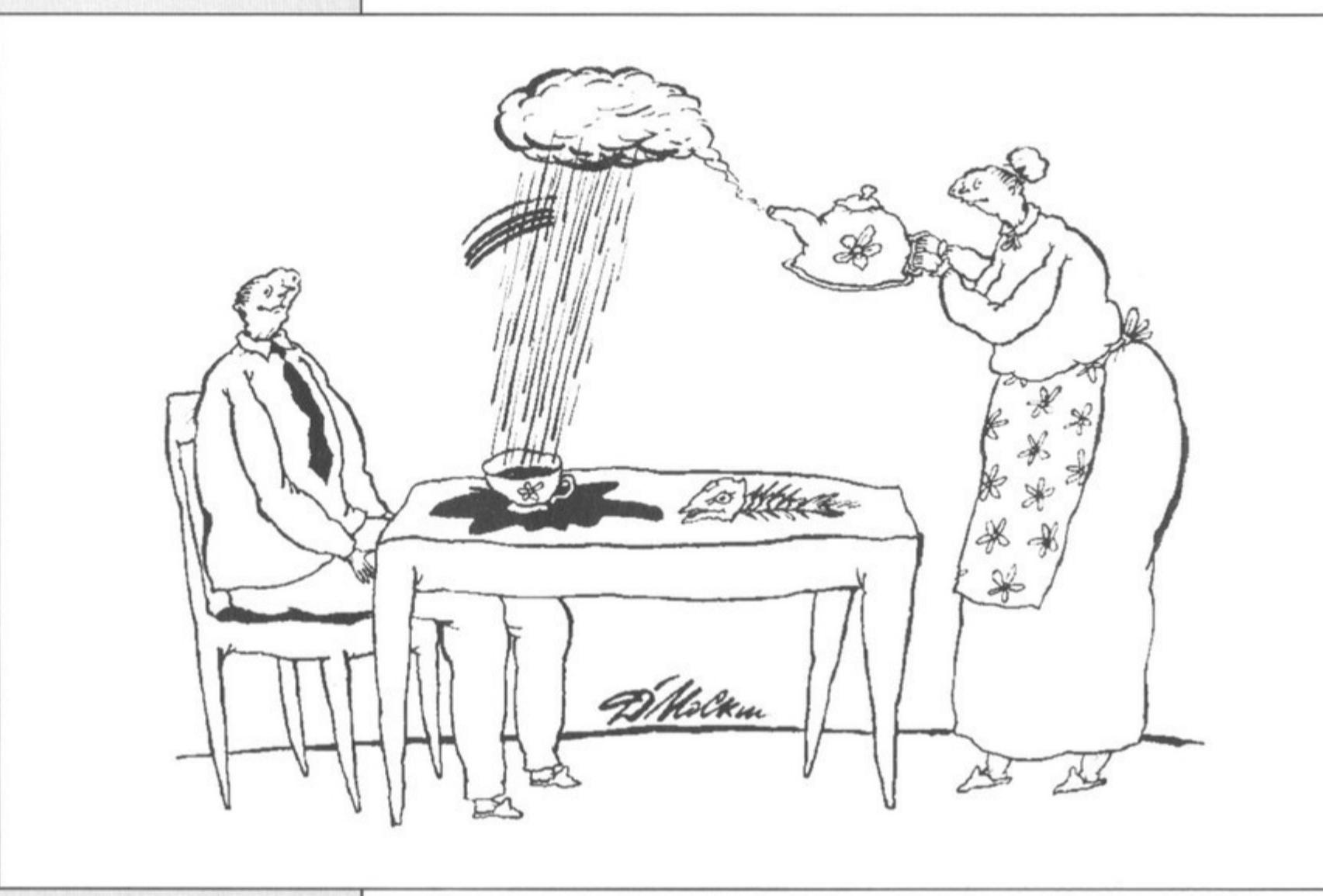
экзистенциальные глубины — самый его нерв. Эпоха билась в падучей. Однако агония его мучительно затягивалась — и внутри этой агонии шла наша жизнь. Конвульсии — деформации — выверты времени! Ох как было тяжко и тошно. Но мы выжили и победили. Отчасти потому, что мы умели смеяться.

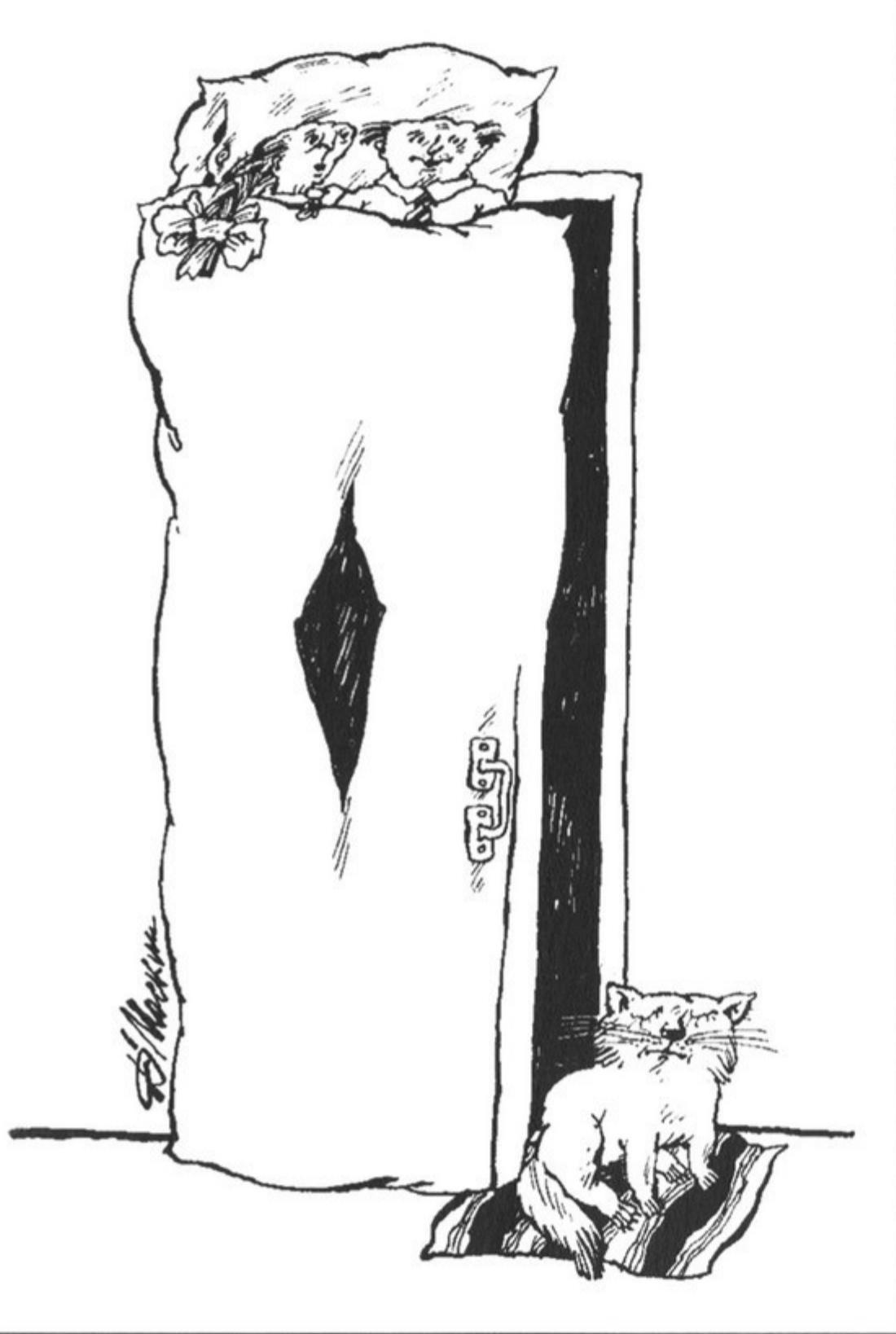
РЫБИЙ С MEX

Партии Ленина нравился Человек молчаний. Немота рыбьи: вот ее идеал. Она лишила человека всего — земли, свободы, достоинства. И она очень хотела бы перерезать его горловые связки.

В перспективе к этому и шло дело. Не получилось! Но кляпов забито было много. Что такое смех? Это такое сокращение мускулов, когда кляпы выплевываются сами собой — без внешнего вмешательства. Смех искони выполняет на Земле великую освободительную миссию.

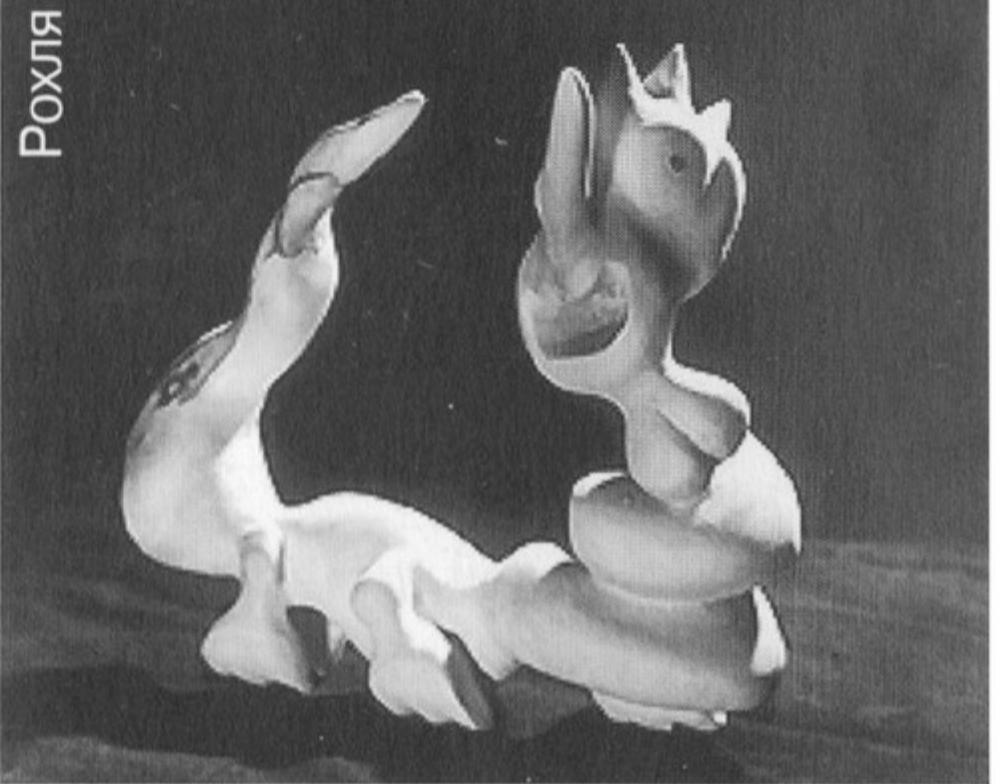
Об этой миссии смеха я размышляю, разглядывая альбомы карикатур

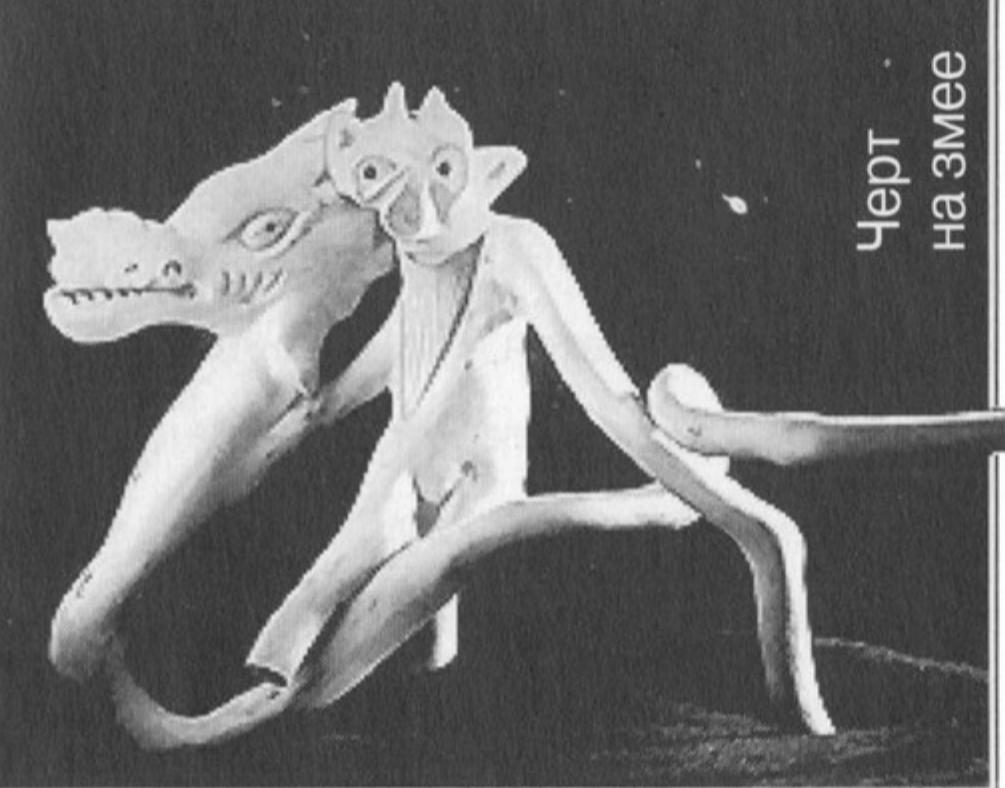
Дмитрия Москина. Они снова и снова ставят передо мной сложнейший вопрос: а почему, собственно, человек смеется? Какова природа смеха? Казалось бы, в смехе есть что-то избыточное, лишнее — вполне можно жить без него, биологически он, можно сказать, нецелесообразен. Вероятно, именно так, сознательно или бессознательно, считала партия Ленина — по ее мнению, коммунизм должны были строить абсолютно серьезные люди. Но партия ошиблась. Нельзя заявлять, что она пала сама собой: взрывы смеха, не смолкавшие во всероссийском андегранде, подтачивали ее устои.

Рохля

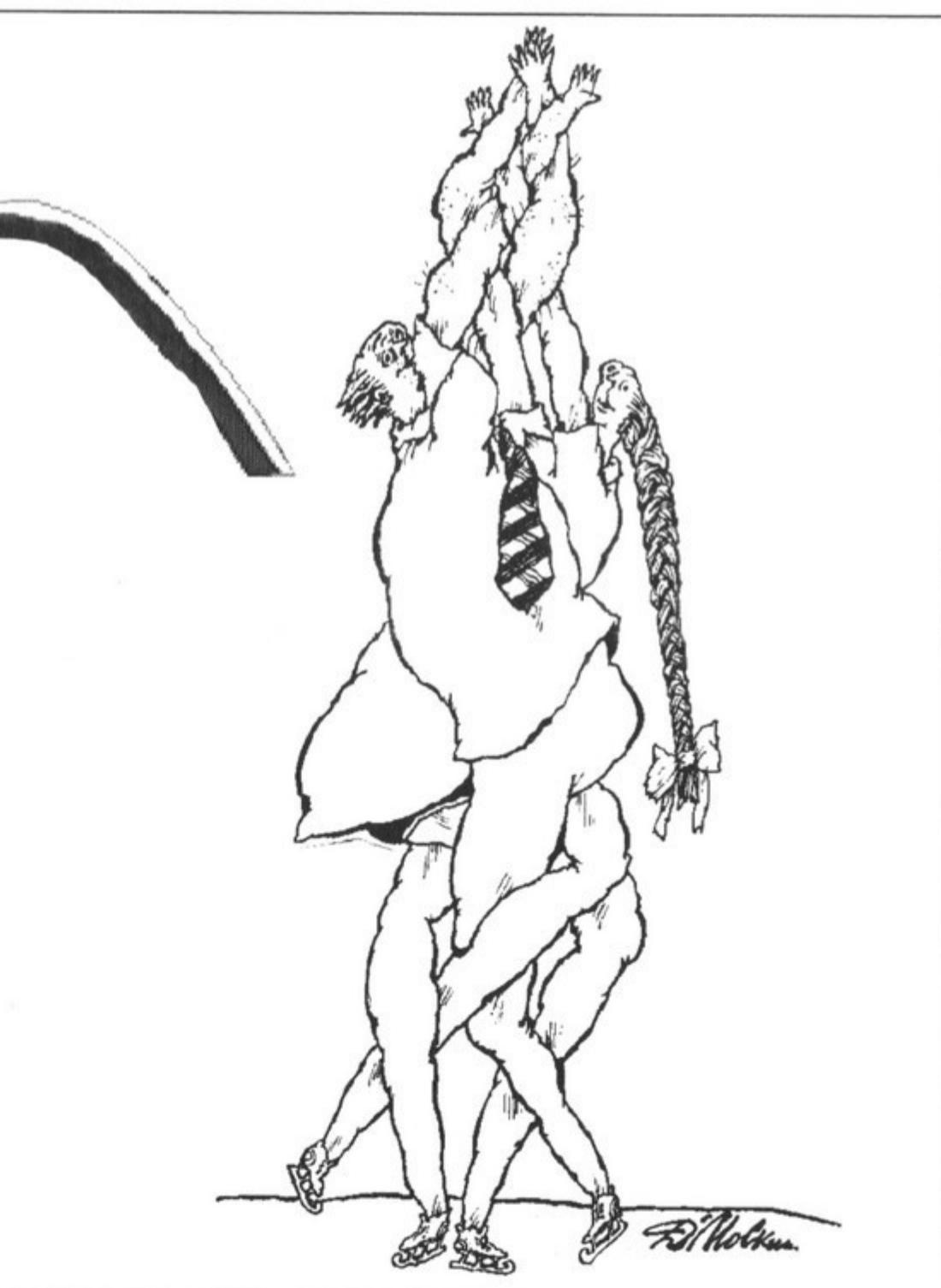
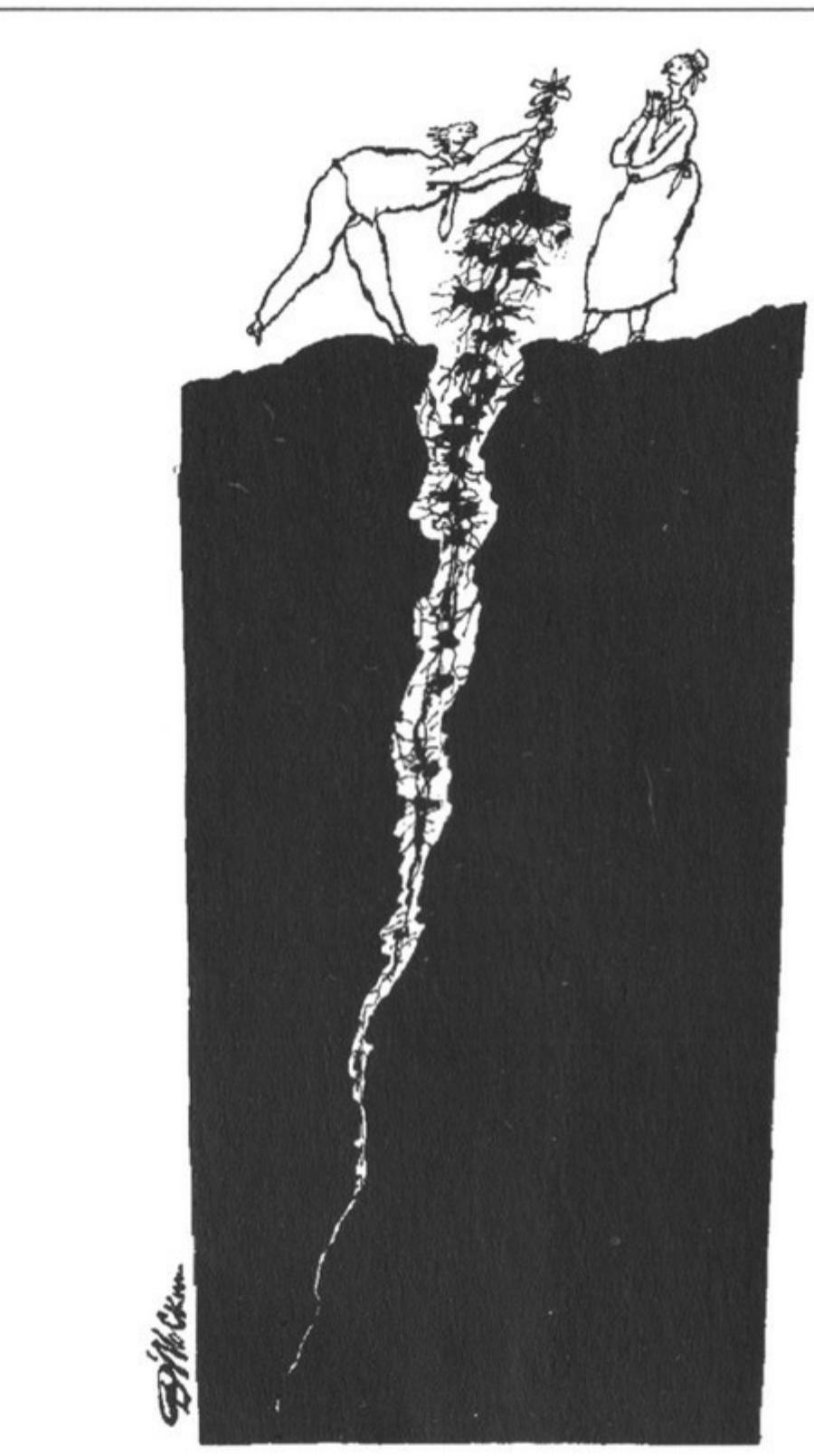

Творчество Дмитрия Москина дает нам запоминающийся урок свободы. Это мудрая, философичная свобода. Ей чужд анархический бунт, она не унижает себя до дешевого зубоскальства. Смеется эта свобода искренно и раскованно — но повод для смеха у нее не случайный и не пустяковый: в фокусе юмора оказываются сами онтологиче-

ские основания бытия и небытия в их соприкосновении с человеком — зона смеха дерзает распространиться на фундаментальное, корневое. Аналогии этого в культуре есть. Тут можно вспомнить и сократическую ironию, и горький смех стоиков, и безумную смесь юродивых. Но думается, что только в XX веке, когда отчаявшаяся философия всерьез заговорила о тотальной абсурдности существования, в юморе могла появиться своеобразная масштабность, категоричность: он проник в святое святых, куда его долго не пускали — и он высмеял Творение во всех его частях и сечениях, не щадя ничего.

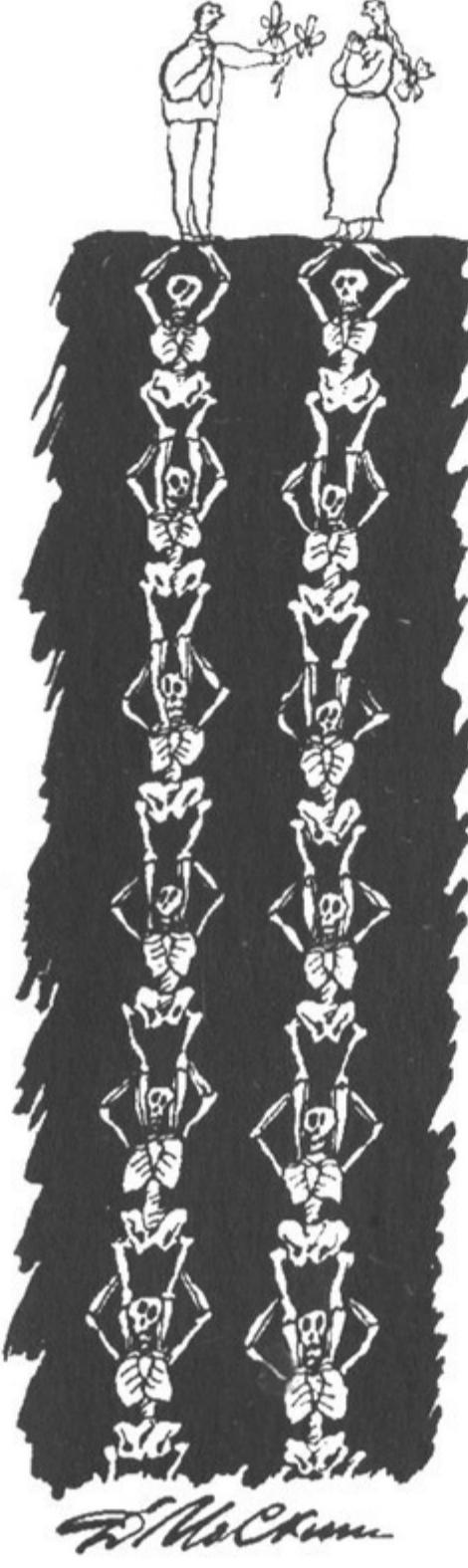

Возник так называемый «черный юмор», в развитие которого внес вклад и Дмитрий Москин. Это честное детище своего времени. Оно заглянуло в бездну Ничто — и не отшатнулось: спасительная смеховая реакция оказалась возможной и здесь, в сверхэкстремальной ситуации. Неправда, что «черный юмор» абсолютно беспросве-

«ИЗБРАННОЕ»

РАБОТЫ ЗА ПЕРИОД С 1970-Х ПО 1990-Е ГГ.

тен — как раз тогда, когда нечего терять, и появляется лучик надежды. Человек в XX веке дошел до точки. Но не та ли эта сингулярная точка, которая может из себя выплыснуть свет? Экстремумы, пределы, крайности — вот параметры нашей экзистенции в двадцатом столетии. И юмор был с нами, когда мы зависали над пропастю — он помог нам выжить.

Выживаемость, необходимость выживания — не здесь ли тайна происхождения юмора? Эволюция научила нас смеяться для того, чтобы мы сохранили чувство достоинства даже тогда, когда все вовне против нас. Тайну юмора пытались разгадать многие мыслители. Назовем среди них Анри Бергсона и Зигмунда Фрейда. Но проблема далеко не закрыта. Смех — и свобода: думается, что в пересечении этих понятий — ключ к загадке смеха. Юмор — мастер разрядки, юмор — антистрессовая панацея. Сколько раз он выводил человека из абсолютно тупиковых ситуаций? Он приходил на выручку быстрее любой скорой помощи.

Юмор генетически связан с игрой.

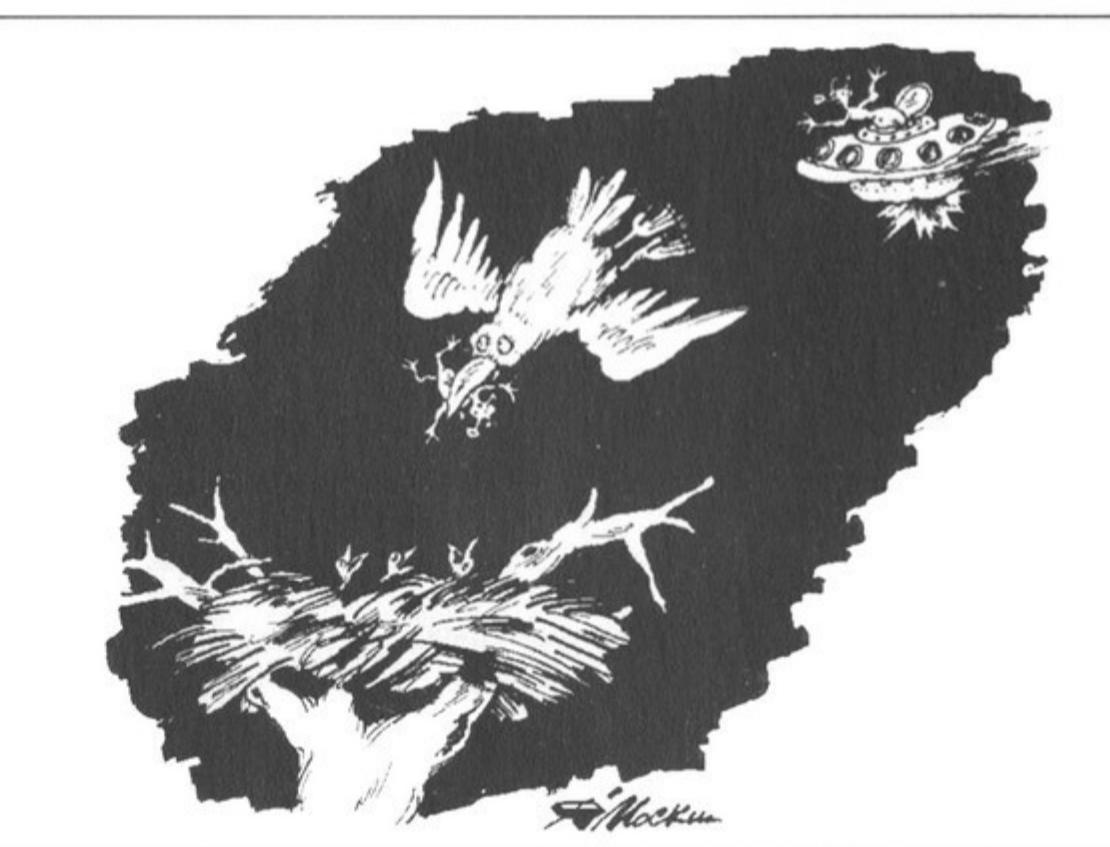
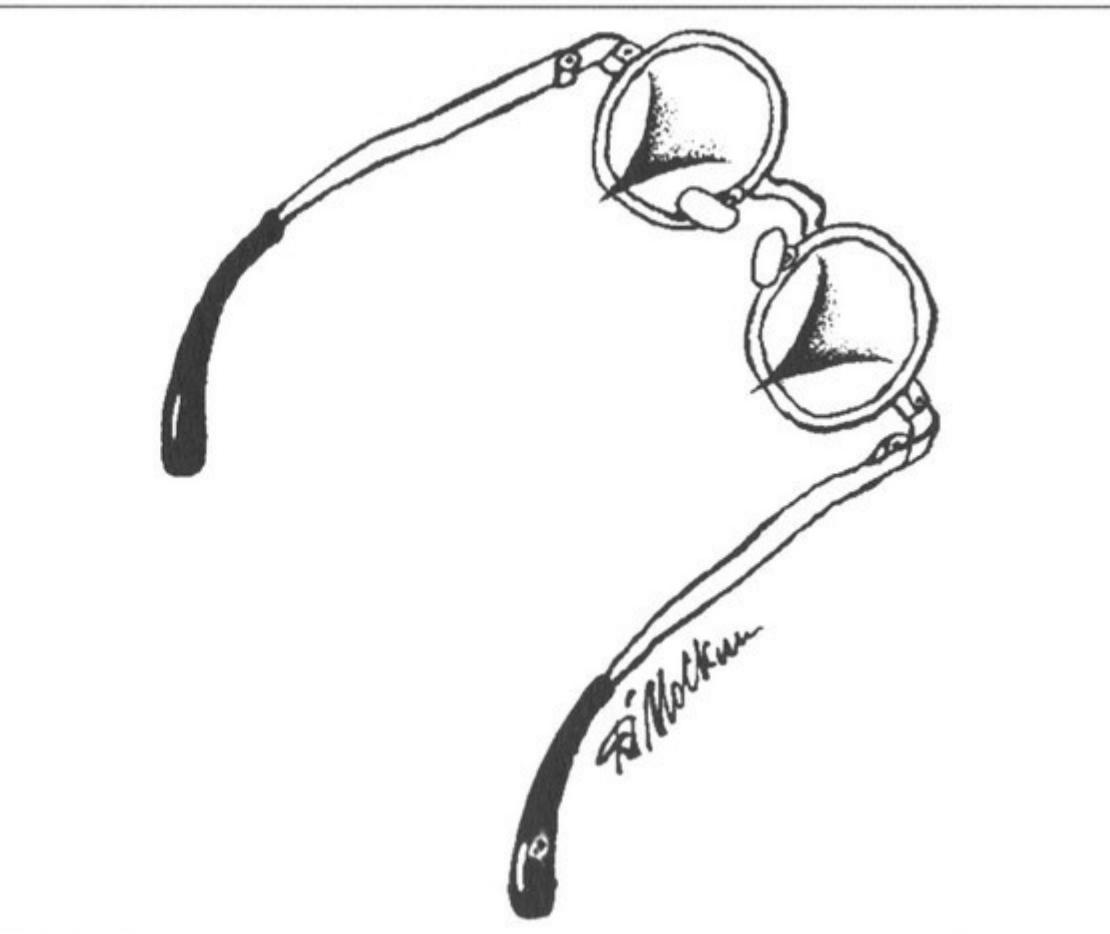
Игровое начало присуще миру Дмитрия Москина. Как и юмор, игра лишена признаков внешней целесообразности — и тем не менее нет ничего фундаментальнее ее. Самые тонкие религиозные откровения говорят: Бог творит бытие играющи — ради чистого удовольствия,

а не из корысти. Философы все больше склоняются к той мысли, что игра является не только онтологическим условием свободы, но и ее наиболее полным выражением. «Человек играющий»: быть может, именно это определение голландского философа Гицинги является адекватным нашей сущности. Вспомним «Игру в бисер» Германа Гесце, в этой игре раскрывалось богоподобие человека. Что может быть серьезнее? А ведь речь идет об игре! Питая собой веселость духа, игра создает почву, на которой вырастает смеховая культура. Дмитрий Москин вместе со своими петербургскими коллегами достойно представляет эту культуру.

Мощно и ярко игра проявляет себя в стихии карнавала. После работ М. Бахтина мы хорошо понимаем, сколь существенное место в ноосфере занимает карнавал. Россия не знала карнавалов в западноевропейском смысле этого понятия. Но она создала свои блестательные аналоги карнавала. Современная карикатура, которую достойно представляет петербургская школа, подхватывает и развивает карнавальные традиции. Именно они во многом предопределяют ее поэтику.

Карнавал — мастер инверсий.

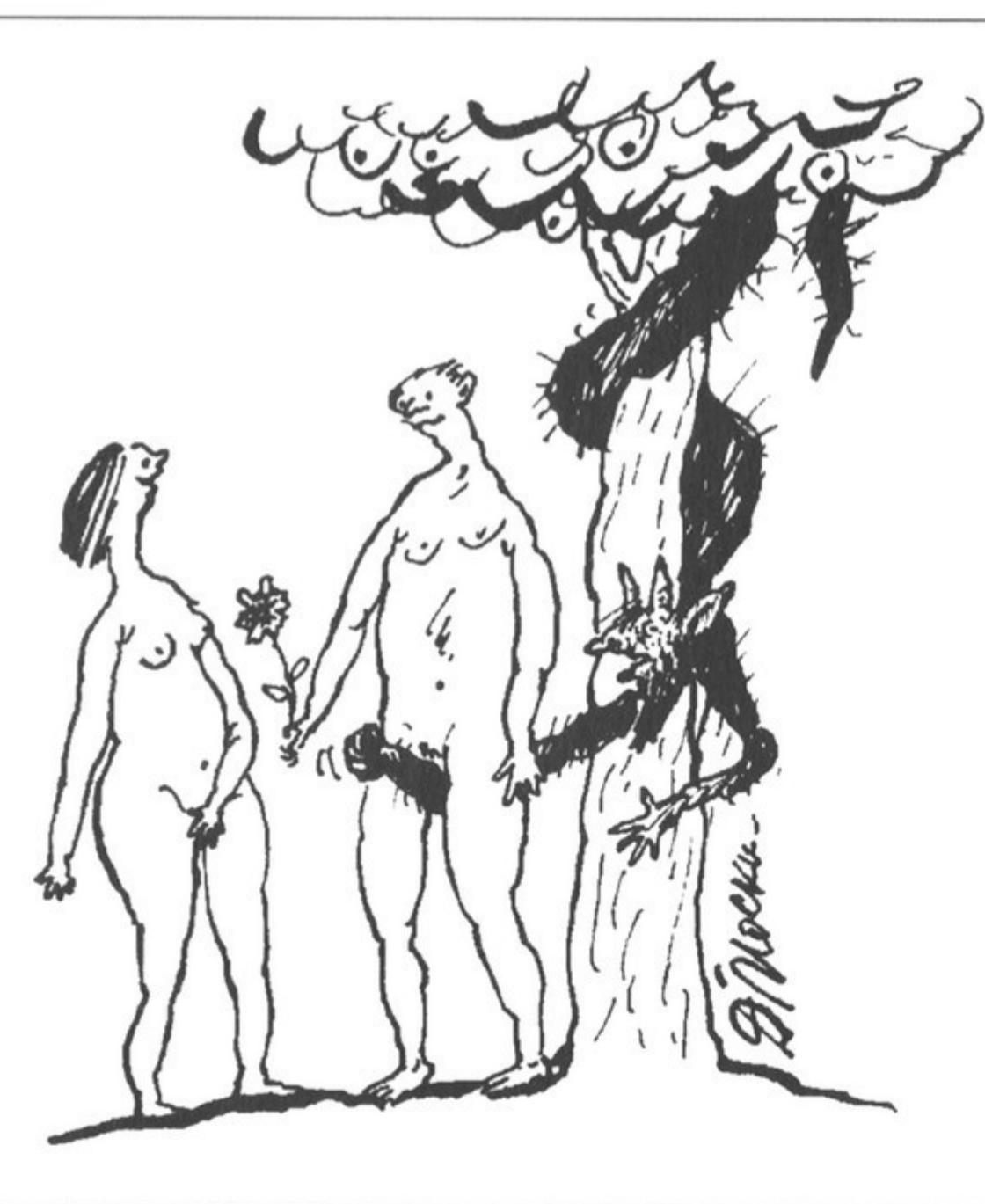
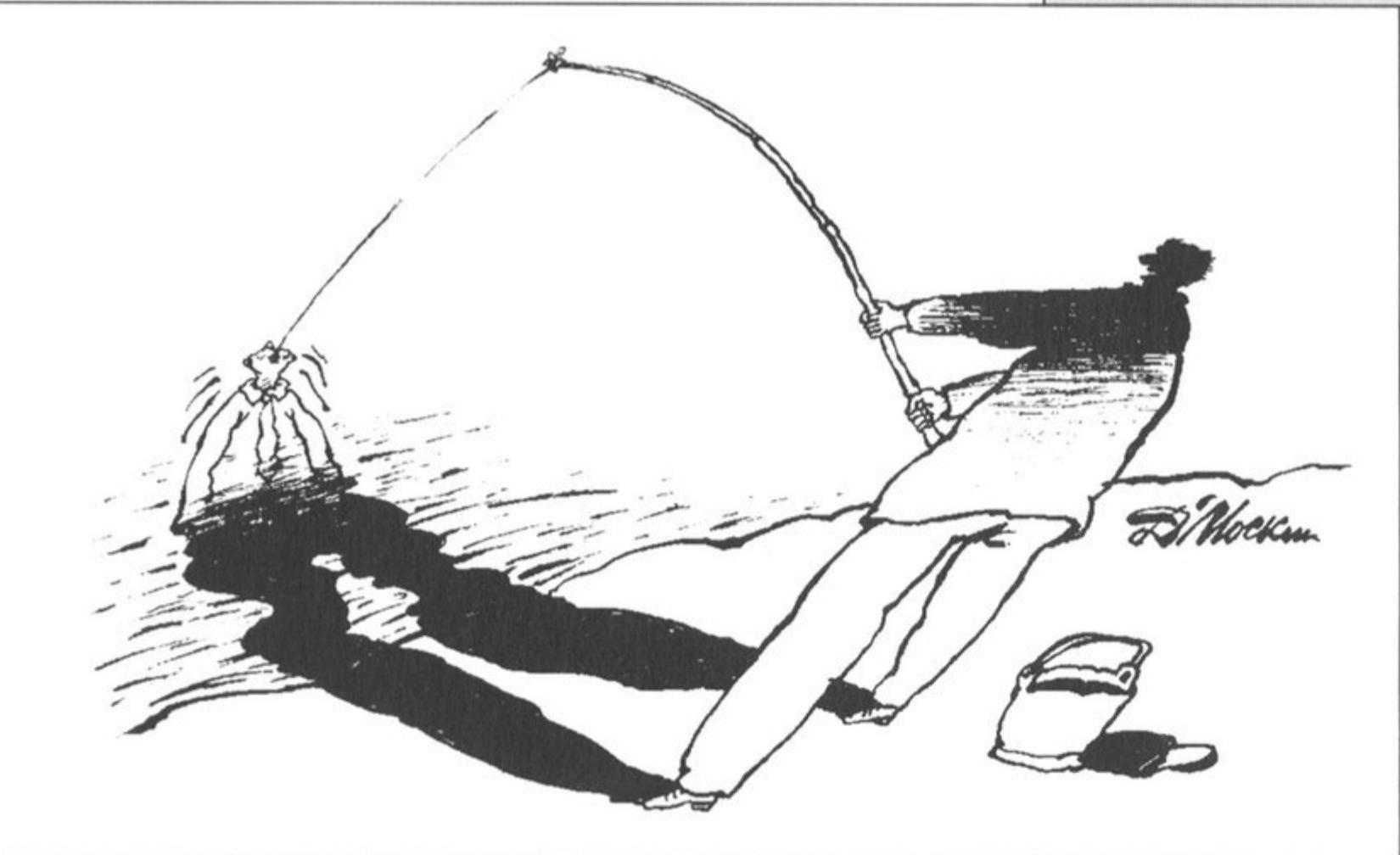
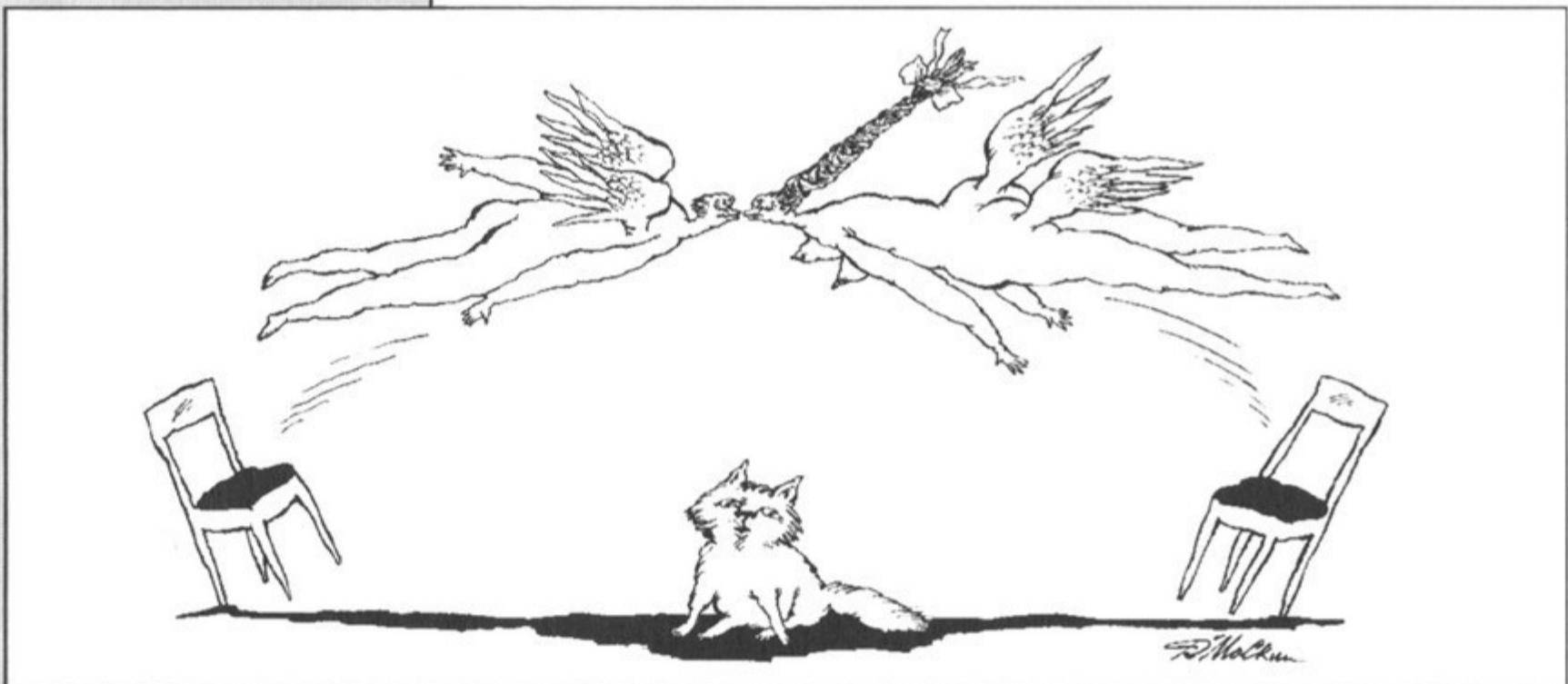
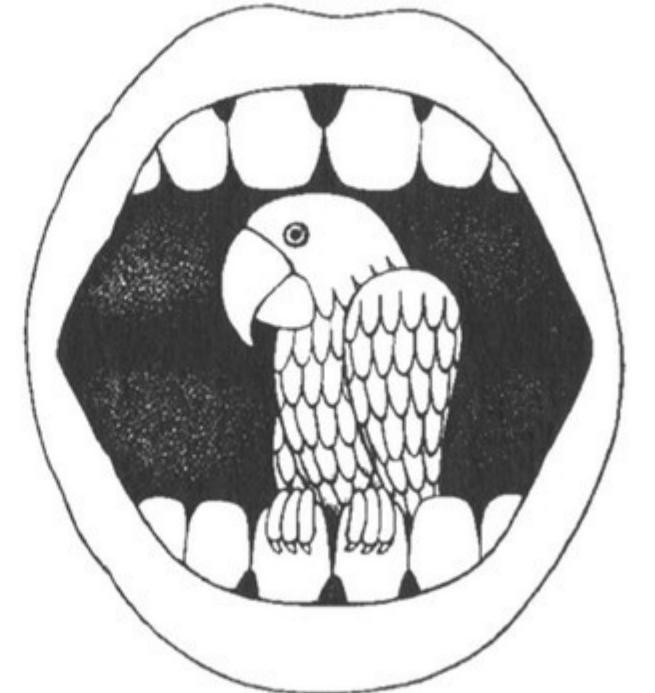
Выворачивая мир наизнанку, карнавал рокирует полюса — верхи и низы меняются местами. Униженный —

вознесен, умаленный — возвеличен. Пусть эта рокировка осуществляется лишь в условном пространстве карнавала, но она оказывается для человека как бы репетицией свободы, ее игровой пробой, что приносит несомненный психотерапевтический эффект. Знакомясь с творчеством Дмитрия Москина, нетрудно заметить, что он широко эксплуатирует и творчески развивает этот прием. Занижение возвышенного и возвышение за-

ниженного — вот один из игровых алгоритмов Дмитрия Москина. Жесткое противостояние полюсов невозможно в мире художника — амбивалентность свидетельствует о высокой степени вочеловеченности этого мира. Человек в нем выживает и побеждает. «Смеюсь — следовательно, существую»: так многие герои художника, людишки забитые и внешне малопочтенные, могли бы перефразировать Декарта, произнося эту фразу с оправданной гордостью. Карнавал и тоталитаризм — антагонисты. Карнавал взял верх над несвободой.

Творчество Дмитрия Москина дает большие возможности для раздумий о природе и поэтике смеха. Как и твор-

чество его коллег, оно не оставляет сомнений в правомерности такого вывода: современный юмор с поразительной чуткостью отражает столь очевидно проявившийся в XX веке процесс парадоксализации истины. Наука всегда старалась избавиться от парадоксов — и вот она встала перед

необходимостью признать, что мы живем в странном, где-то глубоко иррациональном мире; бытие парадоксально в самих своих основаниях — поэтому глубокие истины неизбежно облекаются в форму парадокса. Это не только

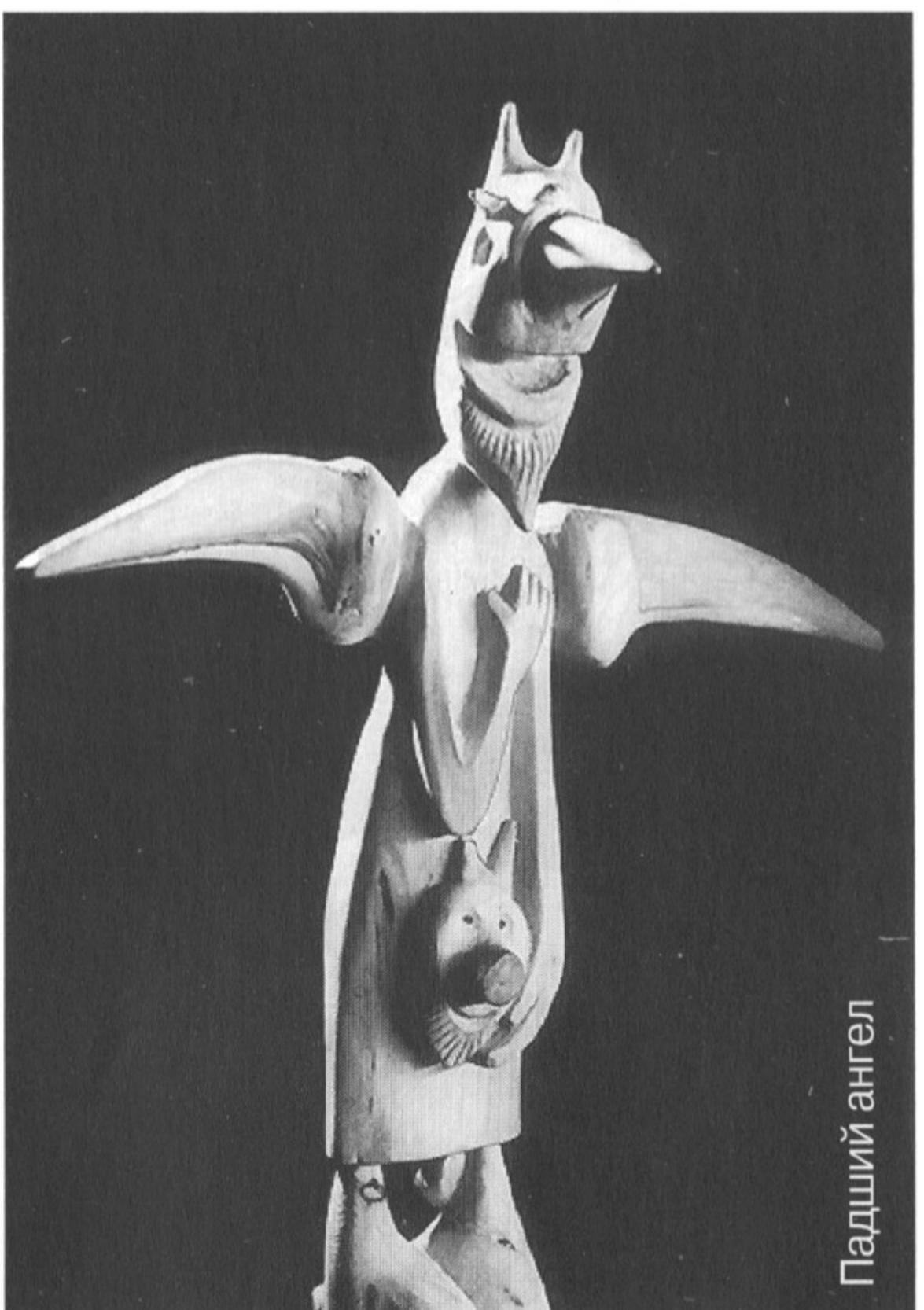
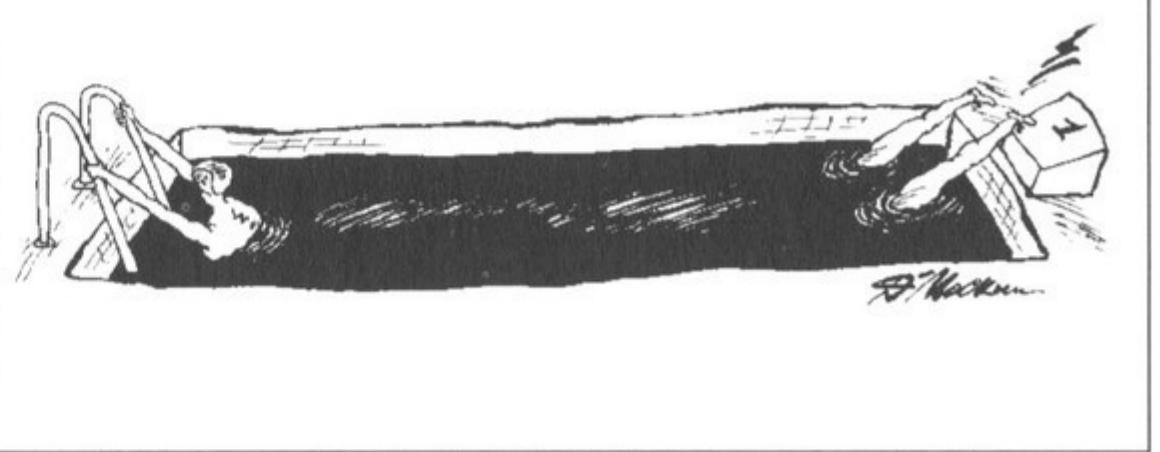
физические, но и экзистенциальные истины: парадоксализации подверглось и человеческое существование — из него навсегда улетучилась чаемая простота и ясность. Юмор облегчает нашу адаптацию к экзистенциальным глубинам, столь неожиданно разверзшимся в человеческих душах. Страшновато бывает заглядывать в себя. Хорошо, если смех подоспевет на помощь — а то порой и до удавки дело доходит. Ежели кто и может перейти через минное поле всех современных подлостей — только человек смеющийся, юмор тут является надежней-

шим проводником. Без него подорвешься.

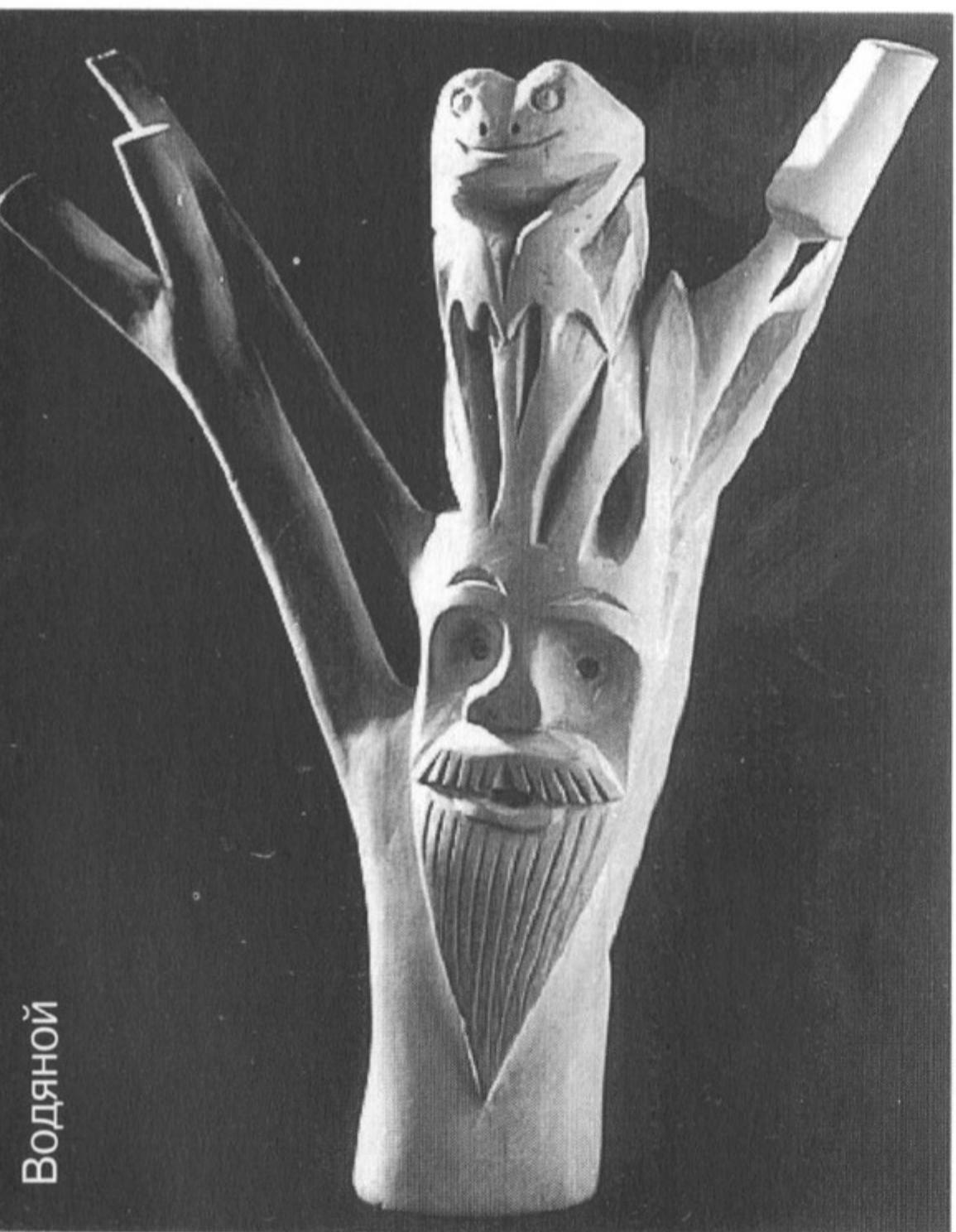
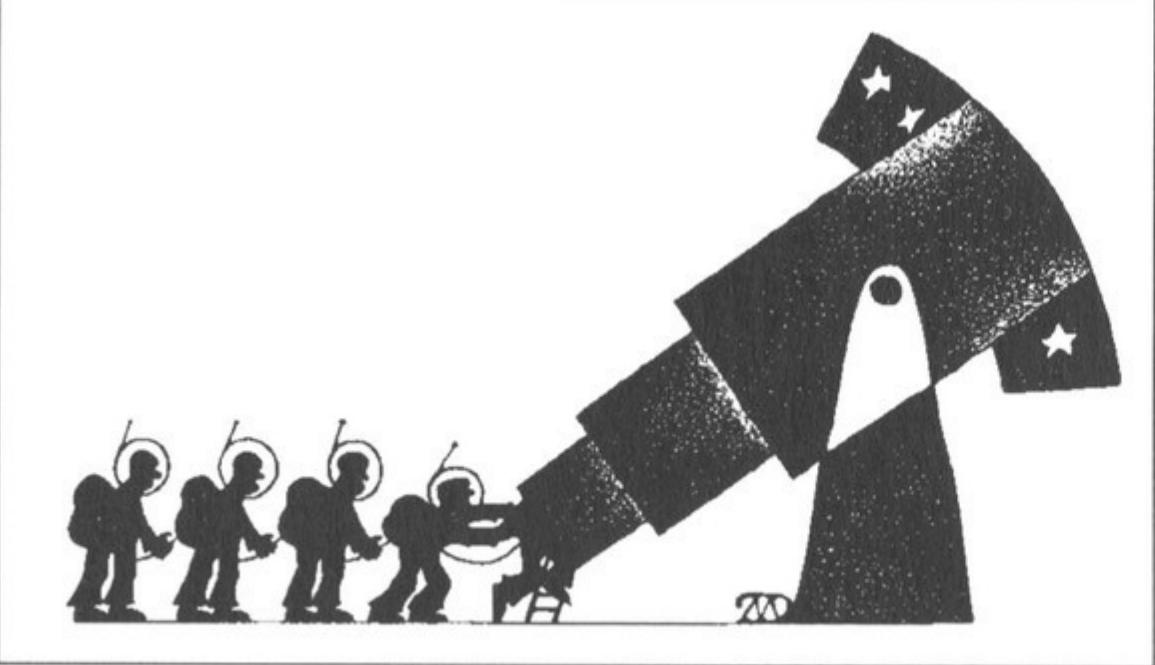
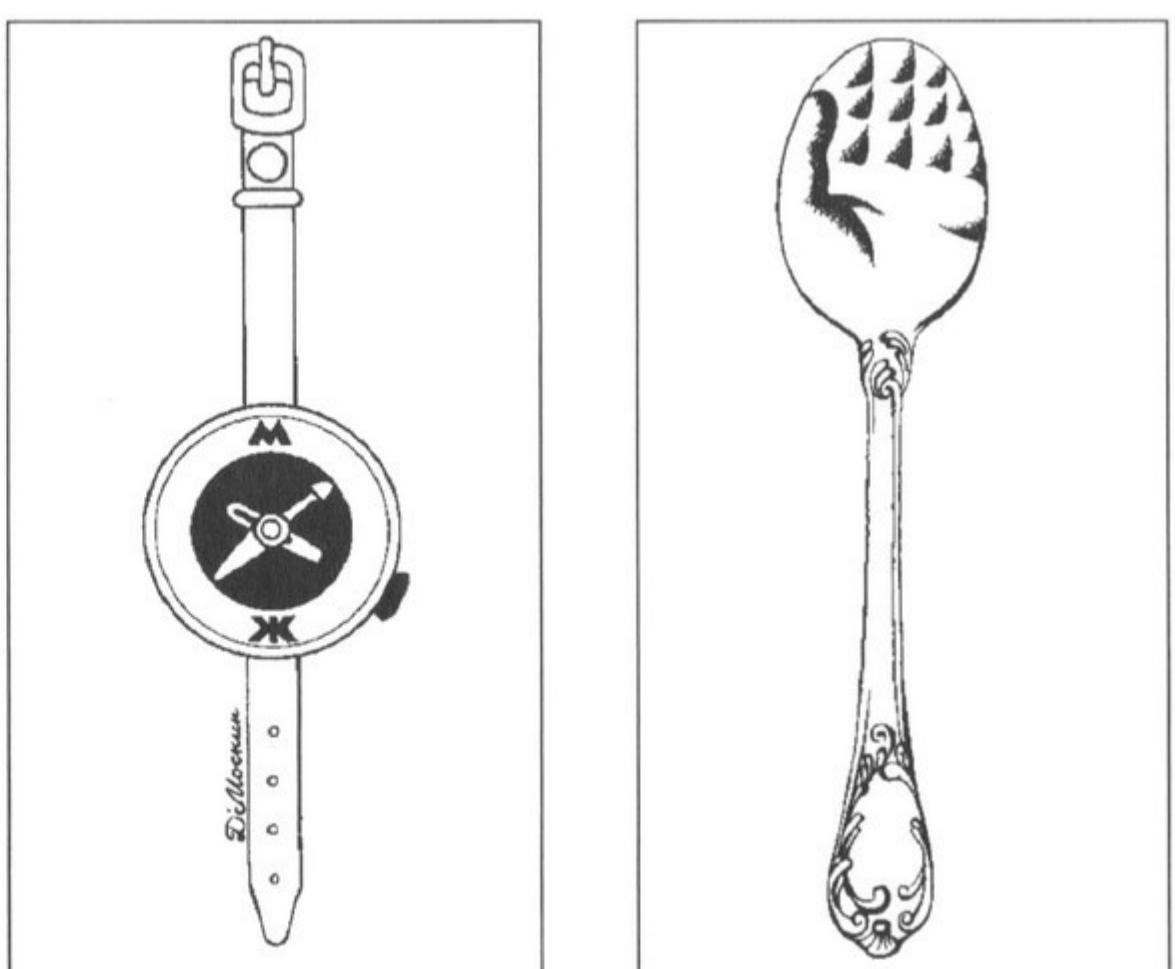
В современное сознание прочно вошло представление о так называемых «невозможных объектах». Это квинтэссенция парадокса. Замечательно, что «невозможные объекты» параллельно открываются и наукой, и искусством — ученик М. Эшера, Дмитрий Москин участвует в их генерации. Пример здесь не только его знаменные очки, пустившие шипы в сторону человеческих глаз — можно сказать, что поэтика «невозможных объектов» растворена во многих его работах. «Невозможные объекты» смешны. Но это особый смех — я бы сказал, что в нем звучат ноты встревоженности: человек сталкивается с чем-то неизвестным, порой до жути странным. Не лучше ли отступить назад, в мир прописных истин? Но смех помогает человеку сделать смелый шаг в неизвестность. Он является лучшим гарантом его эволюционного восхождения.

ОН^О И ОНА^А — ОНОНИЗМ ДМИТРИЯ МОСКИНА

Блестящий карикатурный цикл Дмитрия Москина «Он и Она» посвящен жизни типичной советской семьи. Впрочем, понятие грамматического рода по отношению к

Падший ангел

Водяной

ней можно применять лишь условно — усредняя и обезличивая все и вся, жуткая тоталитарная машина стирает в порошок если не сами половые атрибуты, то главную их функцию. В предисловии к циклу художник говорит о своих героях: «У них нет детей, как нет будущего у системы, их породившей». Бесплодие, вырождение. Можно ли над этим смеяться? Можно и нужно — во имя возрождения.

Игорь Шафаревич убедительно показал связь коммунистической системы с танатофилией — инстинктивным влечением к смерти. Советская власть действительно поставила русский народ на грань вымирания. Сколько симптомов дегенерации вокруг! И вот один из приемов, обеспечивающих реализацию танатофилии: создание механизма, когда «он» и «она» превращаются в энтропийное «оно» — становятся существами среднего рода. Цикл Дмитрия Москина раскрывает работу этого инфернального механизма. Перед нами своеобразная манифестация «ононизма»: серьезное, трагическое до надсада и крика предупреждение о той ямине, которая, возможно, ожидает нас в будущем.

Ононистическая машина крепко закрутила, затянула в свое бесчеловечное нутро героев цикла. Боже, как же они ухитрились остаться

«ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ АФОРИЗМЫ»

Авторы афоризмов:
Станислав Ежи Лец (Варшава), Витаутас Каракюс (Вильнюс), Михаил Генин (Москва — Мюнхен), Михаил Кузьмин и Константин Мелихан (С-Пб.).
Серия создавалась в 1980-90-е годы. Художник знаком со всеми литераторами (за исключением Е. Леча, умершего в 1966 г.) и учитывал их пожелания в работе над рисунками.

людьми? Да, художник с беспощадной гротескностью раскрывает их абсурдное бытие, но в то же время бесконечно сострадает им. Это очень гуманистический цикл. Чего чаплинское есть в нем. Вот своего рода статистика: в цикле 100 работ, и 22 из них содержат типично романтический мотив окна, распахнутого во что-то светлое, обнадеживающее. Эти окна суть просветы, отдушины! Они есть даже тогда, когда тебя держат в каменном мешке — только открываются они изнутри души. Глядя на эти работы, я почему-то часто вспоминал картины немецкого романтика Каспара Давида Фридриха: интерьер неожиданно прорезается окном — обыденное переходит в чудесное. В чем-то очень похожий переход любит улавливать и запечатлевать Дмитрий Москин. Его окна обычно распахнуты в звездистый космос. На столе обглоданная рыба, жалкий кактус, осыпанный пеплом, поникшие головы клюнувших супругов. А рядом — впритык к этому скучному быту — феерическая бесконечность! И она не фон, не декорация: души этих униженных и оскорбленных причастны ей — там их настоящая родина.

Цикл очень метафоричен. Причем для метафор Дмитрия Москина харак-

терна многогранность: они поворачиваются к тебе то одной, то другой — подчас противоположной — гранью. Вот любящих заволакивает паутина, вот они прорастают корнями. Что это, знаки застоя, косности? Может быть, и так. Но ведь эти же детали могут символизировать время, остановленное силой чувства, — Дмитрий Москин рассказывает нам об ущербной и изуродованной, но вечной любви.

Жизнь все время стремится оттеснить героев цикла в грязную колею. Но они оказываются противодействие! И вот — летят, и вот — парят. Совсем как влюбленные на полотнах Шагала. Вот Он вырывает для Нее цветок с дорожной обочины — и мы видим, что у цветка этого неимоверно глубокие корни. Так художник раскрывает глубину душ своих героев. Да, в чем-то они необратимо потеряли себя — но божья искра все равно негасимо светит в их душах.

ХАХАРИЗМА АФОРИЗМА

Человек давно имеет склонность выражать свои мысли в афористической форме. Но от эпохи к эпохе стилистика афоризма меняется — их эволюция в предельно краткой форме выражает эволюцию культуры. Афористика XX века

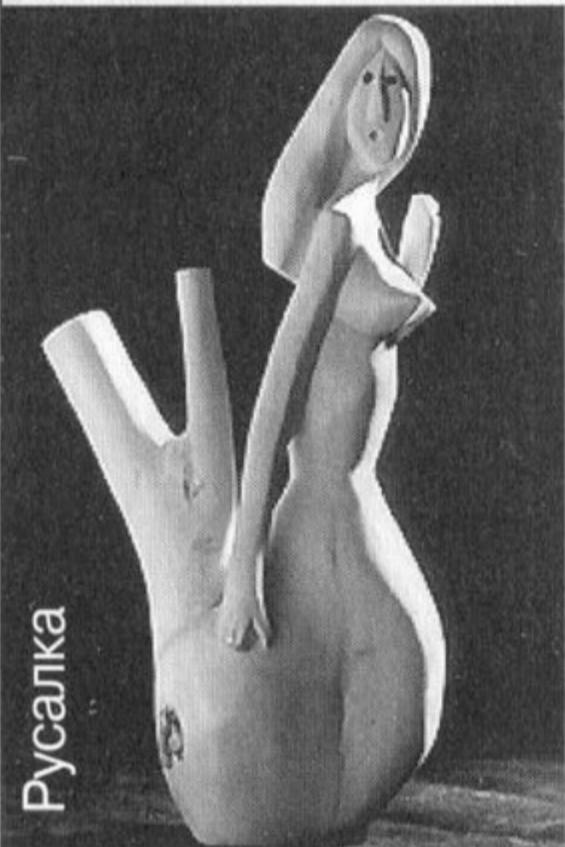

не знает аналогий в прошлом. Сжатие мысли, характерное для афоризмов вообще, тут достигло некоторого качественно-количественного рубежа: схожим образом возникают знаменитые «черные дыры» — на них чем-то неисповедимо похожи некоторые современные афоризмы. Чем конкретно? Бездонностью смыслового (или бессмысленного) зияния, гиперабсурдностью, безнадежностью.

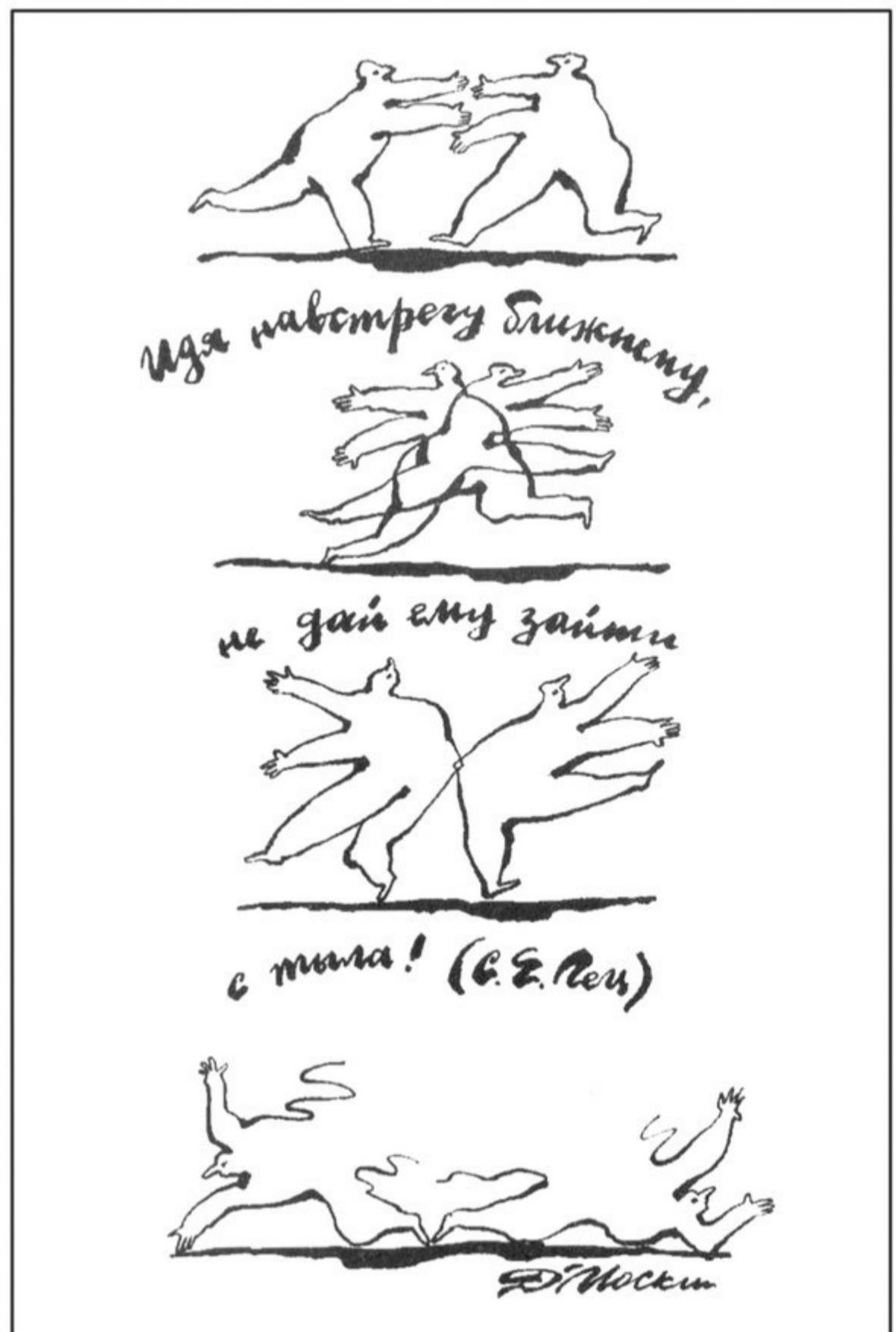
В голову Дмитрия Москина пришла счастливая мысль: создать визуальный ряд для афоризмов новых авторов — Ежи Леца, Витаутаса Ка-ралюса, Михаила Генина, Михаила Кузьмина, Константина Мелихана. Так возникли интереснейшие циклы, построенные на симбиозе текста и изображения.

Перед нами не просто иллюстрации к афоризмам (вряд ли таковые возможны), а скорее своего рода зрительный контрапункт к ним, строящийся на основе свободных ассоциаций.

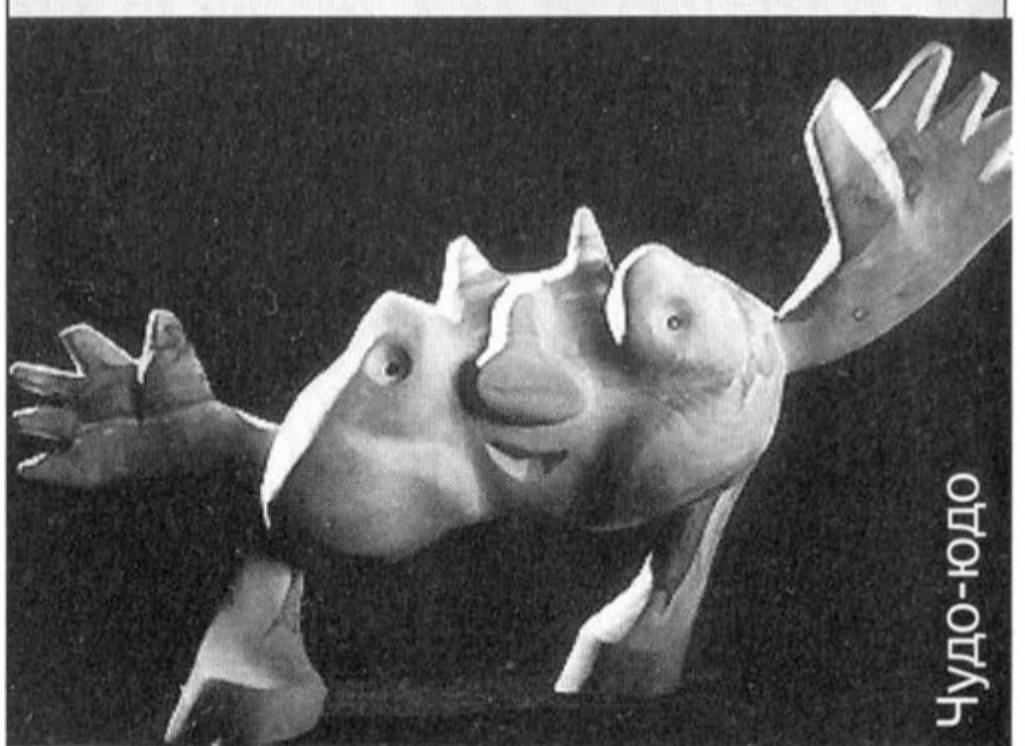
Рассматривая эти работы, думаешь о том, что философия XX века

Русалка

очень своеобразно и полно выразила себя в афористике. Историки философии этого пока не поняли и не оценили. Между тем на языке афоризма, подчас броско и емко, выражает себя то же трагическое мировоззрение, что лежит в основе творчества Сартра, Бердяева, Камю. Ежи Лец говорит: «Из нулей легко можно сделать цепь». Это ли не мгновенный снимок недавно ушедшего времени?

Подкрепленная отличным рисунком Дмитрия Москина, метафора Леца является для нас и воспоминанием, и предупреждением.

Сгущаясь в афоризме, мысль неминуемо становится суггестивной, «темной». Это делает похожим язык современного афоризма на так называемый «эзопов язык». Но мне кажется, что это сходство поверхностное: Эзоп любил аллегории, а здесь что-то другое. Но именно в силу своей суггестивности язык афоризма оказался очень удобным для того, чтобы в условиях несвободы

чудо-юдо

громко говорить о свободе. Это получалось спонтанно — в силу поэтики жанра. Хотя порой создается ощущение, что автор афоризма хочет обойти цензуру — как бы одурачить ее. Да нет же, тут все гораздо глубже: жанр оказался удивительно адекватным духу времени — может, и был порожден им. Циклы Дмитрия Москина, связанные с афористикой, — это не только история карикатуры, но и история свободомыслия.

Причем свободомыслия продуктивного, творческого. В. Каралюс изрекает: «Как экономить бумагу? Писать между строк». Так вот: между строк было написано самое

главное, самое честное — и рисунки Дмитрия Москина помогают нам проявить симпатические чернила недавней эпохи.

Среди афоризмов, выбранных мастером для визуального осмысления, есть и жемчужины чистой поэзии, которой абсолютно наплевать на время. Е. Лец превосходит по сжатости японское хокку: «Утешаюсь тем, что звезда, которая тонет в озере, необитаема». Это сказано на всегда.

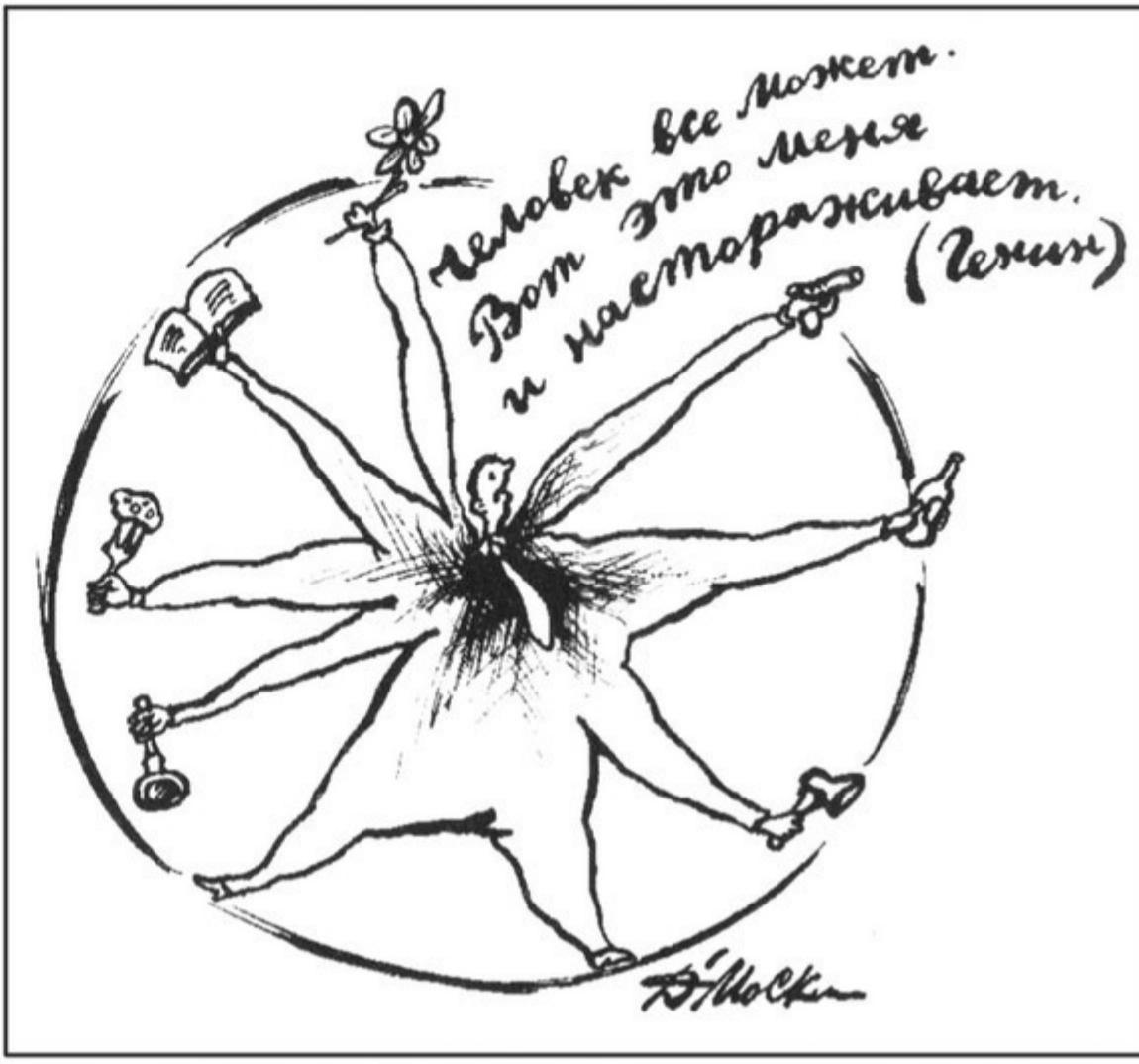
ПОДАЭТИКА ПОГОВОРКИ

Дмитрий Москин нашел свой живописный язык, разработал свою неповторимую поэтику. Остро современный художник, он вместе с тем умеет черпать из народного опыта. И тут нет противоречия: посмотрите на архаические куклы-панки, удивительный феномен которых был фактически переоткрыт и воспроизведен Дмитрием Москиным —

разве они не вписались бы в выставку авангардистского искусства? Пабло Пикассо вдохновлялся примитивной африканской скульптурой; Василий

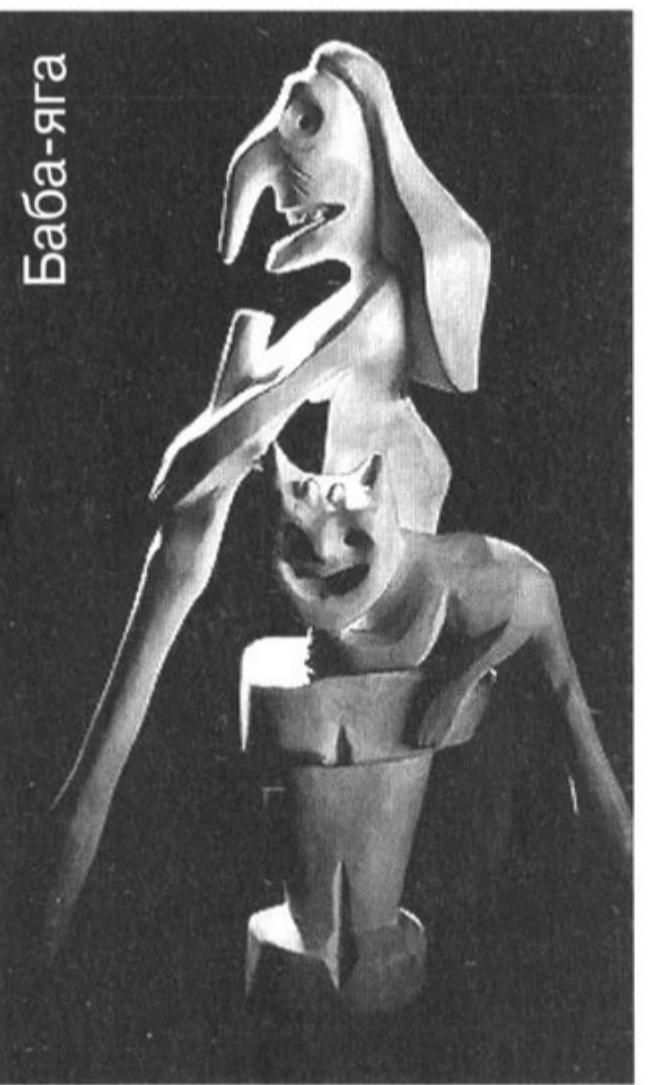
Кандинский нашел себя в вологодской избе; супрематизм Казимира Малевича подсказали домотканые дорожки.

У авангардистского юмора Дмитрия Москина глубокие фольклорные корни. Закономерно, что он в крайне оригинальном ключе проиллюстрировал карельские поговорки — одна из них утверждает: «Даже петух по приказу не поет». Это относится и к Москину: за народное творчество он взялся по зову серд-

СЛАВЯНСКАЯ ДЕМОНОЛОГИЯ

Серия создана в конце 1980-х годов.
Выставлялась в д. Киндасово на сельском фольклорном юмористическом празднике, а также в музее «Кижи» в 1992 г.
Публиковалась в журнале «Карелия» в 1992-93 годы. В 1998 г. напечатана в книге В. Иванова «Русский мифологион»

Баба-яга

Домовой

ца — нашел там нечто очень со- звучное себе. Пословицы и пого- ворки сродни афоризму. Констати- руя эту связь, я хочу подчеркнуть цельность и органичность творчес- тва Дмитрия Москина.

ЧИЗ ДЕМОНОЛОГИИ

Особое место в творчестве ху- дожника занимает цикл, посвя- щенный фантастическим образам народной демонологии. Корни мос- кинского юмора здесь уходят на ту глубину, где дается мифогенез и за- легают архетипы. Водяные, русалки, лешие: сейчас мы все достовернее ощущаем, что за всеми этими персо- нажами стоит особая реальность — ноумenalная, потусторонняя. Ху- дожник интуитивно почувствовал: пространство-время этой реальности имеет свою специфику, отсюда нео- бычность композиционных решений в цикле. Мы еще не оценили в пол- ной мере значимостьисканий вели- кого графика-мыслителя В. Фавор- ского. Чувствуется, что Дмитрий Мос- кин прошел у него заочную выучку, подхватил нить интереснейшей тра- диции. Он завивает в пространстве сложные вихри, встраивает в него бездонные воронки, крутит его как хочет, выворачивая наизнанку и рас-

краивая на части. Демонологиче- ский цикл интересен не только своей типологией, но и своей топологией: причем его топологические парадок- сы изоморфны — это замечательно — природе той реальности, которую художник выводит из скрытых изме- рений на план восприятия. Писатель Василий Иванов (псевдоним Кибирь) тонко назвал эти листы художника «мифоколами» — неся в себе дина- мику коловорощения, они похожи на круглые люки, уводящие в трансцен- дентные измерения. Так интересно заглядывать в эти крутящиеся омуты. Но никакой лот не промерит их глу- бин.

Первообразы своего демоноло- гического цикла художник находит не только в недрах собственного бессознательного, но и в природе: он умеет очень интересно — и очень нестандартно — работать с корнями дерева. Нет, это не приевшиеся уже «фантазии природы» — это совер- шенно другой ключ: в спазмах и су- дорогах органической формы худож- ник видит своеобразный космоге- нез. Он работает как акушер: помо- гает природе родить то, что брезжит в платоновом мире идей. Вот демо- нологическая графика Москина — а вот развитие схожей образности на языке пластики: замечательный кон- трапункт!

Русалка

Огненный змей

Огневица

Дмитрий Москин интеллигент до мозга костей. До последнего атома он пропитан интеллигентностью. Это редкостное качество в наше время. Добрый — и неподкупный; отзывчивый, мягкий — и в то же время кристально твердый в своих нравственных убеждениях: таков этот человек, доказавший, что при хорошей наследственности можно пережить любой социальный маразм, не заразившись им. Такими людьми, как Москин, созидаются настоящая культура. Талант у него сочетается с образованностью. Поражает его замах: не только написать историю всемирной карикатуры, но и создать ее музей — пока в пространстве Интернета, а потом где-нибудь и на твердой почве. Это не просто большой замысел — это уже в значительной своей части проделанная работа. Академическая по своей масштабности работа!

Надо вспомнить, что Дмитрий Москин оформил немало книг для издательства «Карелия». Его руками оформлено большинство картин в Музее космического искусства им. Н. К. Рериха. Его знают и по газетным, и по телевизионным выступлениям. Радует в этом человеке все: и талантливость, и порядочность, и увлеченность, и работоспособность.

Смейся, Дима!

Хохочи до упаду (но не в лужу и не в магилу — мы еще поживем!).

Юрий ЛИННИК,
писатель, доктор
философских наук

ГОРОДСКОЙ ВЫСТАВОЧНЫЙ ЗАЛ

СОНЕТ ДМИТРИЮ МОСКИНУ

Эпоха наша — сволочь, стерва,
дура.

И если уж писать ее портрет,
То здесь годится шарж,
карикатура:

Сюрреализм! Абсурд чистейший!
Бред!

Травили Неизвестного, Сидура;
Хотели Кузьмина свести на нет.
Но Дмитрий Москин —
сильная натура!

И что ему цензура? Что запрет?

Вот ты выходишь с честью
из подполья —
И мочишься среди руин Облита:
Терпел ты долго, парень
озорной.

Она пришла, немыслимая воля!
И ленинская карта явно бита,
А Дима нынче ходит —
с козырной.

Юрий ЛИННИК

Выставки

БИОГРАФИЯ

Москин Дмитрий Николаевич. Родился в 1950 г. в Петрозаводске. В 1978 г. закончил ЛВХПУ им. В. Мухиной. Работал в издательстве «Карелия» и газете «Комсомолец». С 1991 г. работает в газете «Петрозаводск» (Издательский Дом «Петропресс»).

В 1980 г. организовал выставку Клуба ленинградских карикатуристов в Петрозаводске, а в 1989 г. — выставку юмористического рисунка «Фольклор и современность» в Киндасове (Петрозаводске).

Участник и призер нескольких десятков выставок карикатуры в СССР, России и за рубежом.

Киндасово, 1990

Фото
В. Голубева

ПРЕМИИ

- 1977. Ленинград — 2 пр.,
- 1978. Вильнюс — спец. пр., Ленинград — 1 пр.,
- 1983. Анкона (Италия) — спец. пр.,
- 1984. Вильнюс — 3 пр.,
- 1985. Анкона (Италия) — спец. пр.,
- 1986. Алма-Ата — 1 пр.,
- 1988. Рига — 3 пр., Одесса — спец. пр.,
Калининград — 3 пр.,
- 1990. Лауреат журн. «Аврора», Челябинск — спец. пр.,
- 1993. Фестиваль «Салтыков-Щедрин-93» — 2 пр.
- 1995. Калининград — 3 пр.